

M21

12+

Ольга Мальцева

К 84.1

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

З ТМО Т. 250000. З. 1458—90

84(2Рос. Ком)-44

М21

Ольга Мальцева

Мечты сбываются

Рассказы и очерки

632261-2

12+

К 84.1

Санкт-Петербург

2020

Троицко-Печерская
ЦБС
Номк АССР

**Санкт-Петербургское отделение
Союза писателей России**

75-лет Великой Победы!

ББК 84.5

М 21

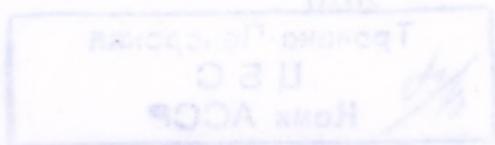
Мальцева О.А. Мечты сбываются — Рассказы и очерки. «АураИнфо», СПб., 2020, 120 с., ил.

ISBN 978-5-98673-204-6

В книгу петербургской поэтессы и прозаика, Ольги Мальцевой, вошли биографические рассказы и очерки — воспоминания детских лет, трогательные истории о животных, о мудрости природы, о силе воли и вере в добро. Тема войны и Победы отражена в биографии отца. Рассказы увлекают остротой сюжетов, призывают читателей задуматься о смысле жизни.

ISBN 978-5-98673-204-6 © О. А. Мальцева, текст, 2020

© Т. А. Лапшина, рисунки, 2020

Связующая нить

Книга рассказов и очерков Ольги Мальцевой «Мечты сбываются» очень светлая, построена на автобиографическом материале, предназначена для детей средних классов и для семейного чтения.

Со страниц рассказов встают образы матери и отца, любимой кошки Мурки и самой рассказчицы, тогда еще маленькой девочки, впервые сталкивающейся с трудностями жизни, но уже проявляющей характер смелый и целеустремленный, а душу добрую, умеющую сочувствовать не только попавшим в беду людям, но и одинокому попугайчику.

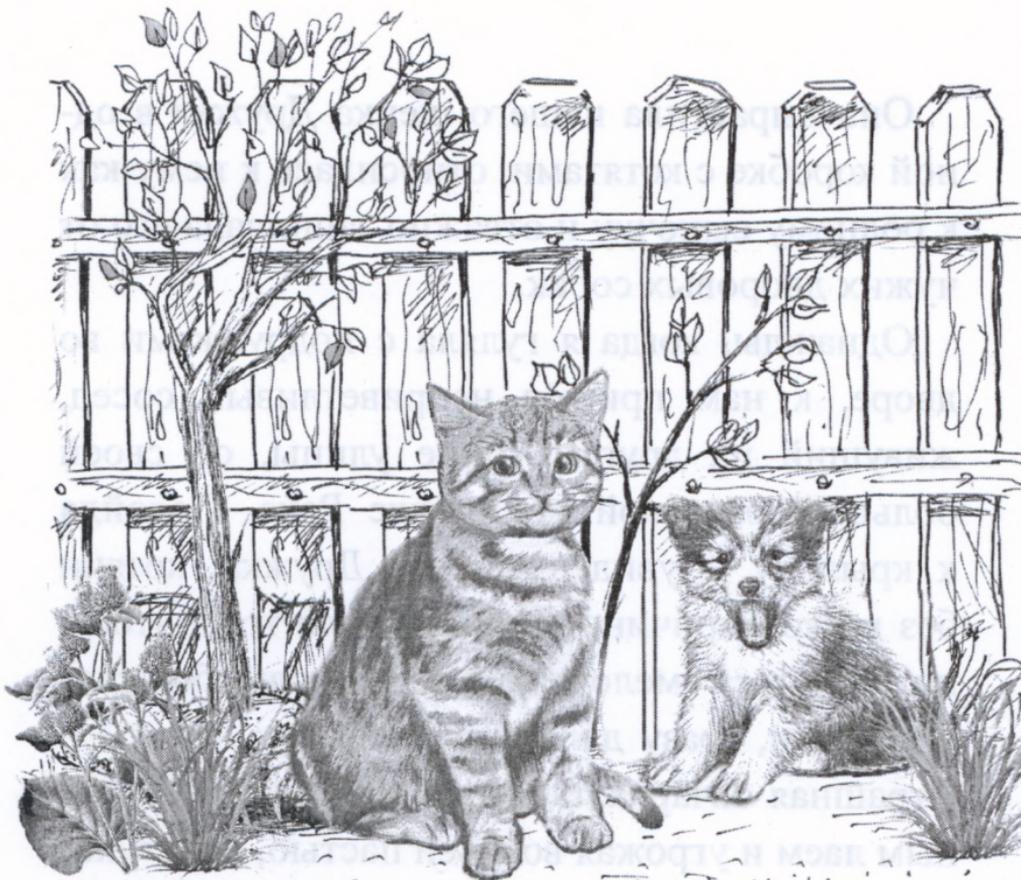
С особенной теплотой представлен образ отца. Он показан многопланово — и как заботливый глава семьи, словом и делом отвечающий за её судьбу, и как молодой лейтенант, получивший за годы войны четыре ранения, побывавший в самых решающих сражениях и вернувшийся домой с Победой, несмотря на присланную «похоронку». В рассказе «Настоящий учитель» мы видим его уже в роли мудрого педагога, умеющего в трудную минуту прийти на помощь подростку, попавшему в нелегкую ситуацию.

Рассказы Ольги Мальцевой утверждают уверенность, что человек может многое преодолеть и добиться своей цели, сохраняя силу духа и веру в победу.

Книгу завершает рассказ «Ангелы», и это не случайно. В рассказах описаны сложные моменты в жизни человека, когда ему так необходима рука помощи, проявленная доброта и поддержка.

Тема доброты является связующей нитью всей книги. Веянье ангельских крыльев ощущается в каждом благожелательном поступке, в каждом тёплом слове. В этом и состоит главное содержание книги, автор которой искренне и доверительно делится с читателями и жизненным опытом, и верой: *пока живёт на земле добро — мир не погибнет.*

Мария Амфилохиева,
член Союза писателей России

Мурка

Мне было три с половиной года, когда мама принесла в дом месячного котёнка. Его появление стало ярким событием в моём детстве. Можно сказать, что Мурка стала моей доброй няней на многие годы. Она росла на моих глазах, удивляя необычайным умом, делила со мной все радости и беды, дарила тепло и ласку.

Она вырастила нашего щенка Дружка в одной коробке с котятами, относилась к нему как к родному сыночку и отважно защищала его от чужих дворовых собак.

Однажды, когда я гуляла с подружками во дворе, к нам пришёл неприветливый сосед, живущий на другом конце улицы, со своей большой овчаркой по кличке Рекс. Подойдя к крыльцу и увидев нашего Дружка, хозяин без всякой причины, вероятно для того, чтобы похвастаться смелостью и верной службой своей собаки, сразу дал команду Рексу: «Взять!». Страшная овчарка, оглушив всю округу звериным лаем и угрожая волчьей пастью, подступала всё ближе и ближе к своей жертве. Дружок от испуга беспомощно попятился и оказался загнанным в угол крыльца. Все дети замерли... Родителей дома не было, и я не знала, что же нам делать, как спасти нашего щенка?

И в этот момент случилось чудесное возмездие! На овчарку, как будто с неба, свалился лохматый комок... Это была наша умница Мурка! Она наблюдала всю сцену с выступающего козырька крыши прямо над крыльцом. В самый нужный момент Мурка спрыгнула на шею ов-

чарки и, выпустив острые когти, ловко вцепилась четырьмя лапами в загривок врага.

Забыв о героизме, овчарка взвыла от боли и, с поросычьим визгом сорвавшись с места, помчалась из нашего двора, тщетно пытаясь скинуть с себя неожиданного зверя, но Мурка держалась цепко. Хозяин овчарки крикнул вслед: «Рекс, ко мне!..» Но Рексу уже было не до хозяина, и сосед тоже понял, что ждать нечего. С недовольным видом он поплёлся восвояси и больше никогда не появлялся у нас.

Мурка сидела на шее пса и продолжала гнать его, и только когда он умчался далеко, за три двора от нашей калитки, она гордо спрыгнула с Рекса, подняла расфуфыренный хвост и с горящими глазами, со вздыбленной шерстью возвратилась домой настоящей победительницей. А мы всей детворой встречали её с радостными криками: «Ура!!!»

Это был не единственный случай, когда Мурка отважно и преданно защищала нас от врагов.

При всей мягкости и скромности, Мурка вела себя мужественно, как верный пёс. Когда мы уходили из дома всей семьёй, например в субботний вечер в гости, Мурка, оказавшись

на улице, преданно шла за нами, обычно не подавая голоса. Мы неожиданно замечали её, удалившись от дома за километр. Папа брал Мурку на руки и относил домой.

Когда у Мурки росли котята, она проявляла настоящие материнские чувства. У меня даже накатывались слёзы при виде её самопожертвования: мама-кошка кормила котят молоком, и, совсем исхудавшая, отказывалась от пищи ради прожорливых деток. Котята быстро съедали свое мясо и с жадным урчанием кидались на материнскую долю, а Мурка мудро наблюдала за ними. А когда котят раздавали, она долго переживала разлуку, не находя себе места, и месяца два мяукала, разыскивая котят по всем углам.

Если в детстве мне случалось заплакать от обиды, беззвучно глотая слёзы, Мурка сразу проявляла сочувствие, просилась на руки и начинала тереться милой мордочкой о мою щеку да так ласково мурлыкать, что все мои беды тут же улетучивались.

У меня был уголок с игрушками, а у любимой куклы Маши — маленькая посуда и деревянная мебель, сделанная папиными руками. Я усаживала куклу за столик, подавала ей настоящую

кашу и чай, укладывала спать в кроватку и заботливо укрывала.

Конечно, в четыре года, считая себя совсем взрослой, я понимала, что кукла не живая, поэтому интереснее было пеленать и нянчить кошку. Я кутала её в платки, носила по комнате и баюкала, а Мурка соглашалась, что она младенец, закрывала глаза и послушно засыпала. Своей усатой дочке я читала книжки с картинками, которые знала наизусть, пересказывала в который раз «Федорино горе», «Рёвушку-коровушку» и «Айболита».

Надо сказать, что наша отважная Мурка была на редкость скромной кошечкой. Это удивительно, но она никогда ничего не требовала и громко не кричала.

Например, несколько раз в день она выходила на улицу погулять, но никогда не орала, чтобы её выпустили, никому не надоедала, как это часто делают другие коты.

Мурка просто сидела у порога и тихо ждала, пока мы её заметим и выпустим. Если её ожидание затягивалось, то она скромно подавала голосок: "Ме-е-е". Услышав сигнал, я спешила к ней на помощь.

А как же зайти обратно в дом, не подавая голоса? Вот это было очень забавно! Сколько смекалки в маленькой кошачьей головке!

Пока у нас не было электрического звонка, мы все дотягивались рукой до окошка и негромко стучали в стекло.

Это поразительно, но Мурка научилась делать то же самое, хотя её никто не учил: она ловко подпрыгивала до окна и ударяла лапкой, успевая царапнуть по стеклу, чуть выпустив коготки. Такой звоночек ни с чем не спутаешь.

Любопытно, что приходя домой в ночное время, Мурка знала, что надо делать — она стучалась не в окно прихожей, а в окно спальни, видимо, заметила, что также иногда делаем и мы.

Она росла неизбалованной — что дадим, то и поест. Но лакомый кусочек всем хочется получить. Обычно, когда наша семья собиралась за столом, Мурка молча сидела на уголке папиного стула за его спиной, лишь изредка напоминая о себе, мягко касалась лапкой папиного локтя.

Папа не заставлял долго ждать и давал ей кусочки мяса. И для любимой собаки он всегда оставлял мясо на своей тарелке. Он очень

любил животных и своим примером учил нас с сестрой заботиться о них.

Наша Мурка прожила четырнадцать с половиной лет, до конца оставаясь моей доброй няней и верной подружкой. Мне посчастливилось, что в моей жизни была такая мудрая, почеловечески душевная, преданная спутница.

Мурка умерла, когда мне исполнилось восемнадцать лет, достойно исполнив предназначенную ей роль на земле. Мы всей семьей долго переживали. Нам было тяжело расставаться с ней, как с близким, родным другом. Она была любимицей и настоящим членом семьи.

Умненькая Мурка жива в моей памяти и сейчас: всё понимающая и ласковая, она была необыкновенной — кошка с человеческой душой.

2015

Мамина жажда

В 1955 году наша страна ещё не окрепла после военной разрухи. Люди жили в тесноте, не хватало квартир, школ и детских садов. Во всех городах и в отдалённых уголках страны строились новые дома, поднимались этажи новостроек.

Дошкольные годы я провела в одиночестве, ожидая папу с работы: он приходил домой раньше мамы и сестры.

В те годы мы временно жили в маленькой квартире четырёхквартирного дома. Мама работала бухгалтером в леспромхозе, а папа — строителем, у него были золотые руки, он всё умел делать своими руками.

В нашем северном поселке, как и во всех глубинках России, электричества в жилых домах ещё не было, поэтому все пользовались керосиновыми лампами, в которые нужно было заправлять керосин, вставлять фитиль и протирать стекло, чтобы свет был ярче.

В моём детстве зимы на севере были длинные, суровые и очень снежные. Морозы стояли под сорок градусов почти три месяца подряд. Папа вставал очень рано и скорее протапливал печь. Он уходил на работу первым, старался сильно не шуметь, и я даже не просыпалась. Затем вставала мама, будила Таню и отправляла в школу, потом быстро собиралась сама, а уходя на работу, закрывала меня на замок.

Я поднималась как раз в тот момент, когда раздавался металлический скрежет ключа в же-

лезном замке, который звучал для меня, как утренний звонок будильника. Вместе со мной сразу просыпалась серая кошка Мурка, спавшая всегда у моих ног.

Днём приходила мама, и мы вместе обедали. А перед уходом, надевая пальто, она с улыбкой говорила: «Жди папу!».

И я начинала ждать папу. Сидя с Муркой у окна и напряженно всматриваясь в уличную темноту, я с нетерпением ожидала появления самого дорогого человека на свете. Я чувствовала и знала, что папа волнуется за меня и постарается прийти как можно быстрее.

Слушая песенки Мурки, я часами наблюдала, как за окном мелькали очертания чужих людей, лаяли дворовые собаки и гудели проезжающие грузовики, освещая жёлтыми фарами тёмные закоулки двора и пуская обнадёживающие лучи по стенам моей комнаты. А когда, наконец, сквозь вечернюю тьму и непогоду вырисовывался родной силуэт, моему счастью и ликованию не было предела. Чтобы не напугать меня, папа начинал разговаривать от самого крыльца.

Несмотря на трудную работу, он всегда приходил бодрый и весело спрашивал меня, как

прошёл день, во что я играла и как вела себя Мурка. Он поскорее растапливал остывшую за день печь, чистил картошку и варил ужин. Постоянно разговаривая со мной, успевал прочитать мне несколько страниц из детской книжки и нарисовать в моём альбоме птичку, зайчика или собачку.

Он угощал нас чем-нибудь вкусным. Для Мурки это были кусочки свежего мяса или рыбы, а для меня ирис «Золотой ключик». Потом мы одевались потеплее и вместе выходили во двор покормить Дружка и насыпать зерна воробьям.

Если мороз начинал сильно крепчать, то ночью нашему Дружку позволялось спать дома. А я готова была и всех воробушков впустить в дом. Иногда маленькие птицы, не выдерживая ночного мороза, замерзали на ветках деревьев и ледяными комочками падали в снег. В такие ночи в нашей квартире замерзала вода, покрываясь тонким льдом не только в ведре на полу, но даже в подвешенном умывальнике.

Когда на улице было не очень холодно, папа катал меня на санках по большой центральной улице. Это были незабываемые минуты счастья! Помню, как я кричала:

— Бегом, с ветерком!

— Держись крепко! — кричал мне папа в ответ, разгоняя санки, и вдруг резко разворачивал их по накатанной дороге, что приводило меня в величайший восторг.

Папа по-доброму относился ко всем ребятишкам и постоянно что-нибудь мастерил для нас: зимой каждый год заливал водой ледяную горку, а летом строил качели и детские домики, скамейки, ограды и дорожки.

Однажды, как обычно, прибежав на обед, мама покормила меня жареной рыбой с отварной картошкой и налила чай. Перед уходом, чиркнув спичкой, зажгла лампу на кухонном столе и заторопилась, боясь опоздать. Я играла за перегородкой, когда она, как всегда, наказав мне не трогать спички, нож и лампу, велела ждать папу и, попрощавшись, ушла. Нам с Муркой был слышен знакомый металлический скрежет.

Дружок, обычно провожавший всех весёлым лаем, на этот раз как-то беспокойно залаял хозяйке вслед.

Мама спешила на работу и торопливо поскрипывала снегом по протоптанной тропинке,

справа и слева от которой лежали большие сугробы. Но вскоре она неожиданно почувствовала жажду, которая становилась всё сильнее, и мама невольно замедлила шаги. Некоторое время в её мыслях происходила борьба: продолжить путь на работу или вернуться домой, чтобы выпить воды?

63261-2
Тут всё небо вдруг затянулось чёрными тучами, и повалили огромные снежные хлопья, подхваченные порывами встречного ветра, они стали застилать маме глаза и бить по лицу. Мамина жажда становилась невыносимой, как будто к горлу подступало удушье. Подумав, что в конторе очень хлорированная вода, которой невозможно напиться, мама приняла решение вернуться домой.

Переживая, что из-за опоздания придётся объясняться перед начальником, она бегом побежала обратно по той же тропинке, которую на глазах заметало снегом. Ветер подгонял маму в спину, она так спешила, что, спотыкаясь, дважды упала на колени...

Тем временем, когда мама ушла, я усадила куклу Машу за столик и стала кормить. Чуткая Мурка, всегда спокойно сидящая рядом со

мной, в этот раз, настороженно округлив глаза, быстро ушла на кухню и оттуда стала тревожно мяукать. Когда я пошла на зов Мурки, в этот же момент раздался шум на крыльце и лай Дружка.

Мама, наконец, добежав до дома, где ее громко встречал Дружок, быстро сорвала железный замок и, запыхавшаяся, вбежала в дом.

Сразу устремившись на кухню, она была ошеломлена: на столе возле зажжённой лампы клеёнка пылала огнём...

Быстро плеснув несколько ковшей воды, мама погасила пламя и обессилено опустилась на стул. Несколько минут она сидела без движения и приходила в себя. А жажда, так нестерпимо мучившая её всю дорогу, неожиданно отступила.

Мурка, первая учуявшая приближение беды, ещё долго выражала беспокойство, глядя на нас большими жёлтыми глазами. Мне запомнились эти минуты: в квартире стояла пронзительная тишина, и только настенные часы тикали громче обычного, напоминая о быстротечности неудержимого времени.

Я подошла к маме. Она крепко обняла меня, вытирая слёзы, и не могла найти слов. Мы обе

молчали, постепенно осознавая произошедшее. На столе в кругу обугленной клеёнки, которая загорелась от непогашенной, случайно упавшей спички, виднелось почерневшее пятно.

Этот эпизод из жизни в маленькой квартире был не раз пересказан папе и всем родным. Снова и снова мы переживали подробности истории, которая, слава Богу, закончилась счастливо.

Больше нас с Муркой никогда не запирали на замок. С тех пор я научилась сама закрываться на крючок, вставая на цыпочки, пока не подросла.

2015

Счастливый день

Летом 1959 года мне исполнилось восемь лет, я окончила первый класс и получила отличные отметки. Наступила прекрасная пого-

да, и я ликовала от радостной новости: мы всей семьёй едем в отпуск в гости к папиной сестре, тёте Клаве!

Первого июля мы отправляемся на поезде за тысячи километров, проедем путь от северной Ухты до Ростова-на-Дону и сделаем пересадку в Москве, столице нашей Родины, которую я видела только на картинках.

Целый месяц мы готовились к поездке. Мама для всех купила новую обувь, сшила нам с Таней летние платья и для себя новые наряды. А папа наводил порядок во дворе и на огородном участке. В июне уже расцвела картошка, зазеленели грядки с морковью, укропом и петрушкой, которые я каждый день поливала, помогая папе.

Что может быть прекраснее лета! Благоухают цветы, порхают бабочки и стрекозы, посвистывают птицы, стрекочут цикады и кузнечики, — весь мир вокруг ликует и поёт — все хотят поделиться своим счастьем.

И вот наступил долгожданный день отъезда. Вместе с другими пассажирами мы стоим на платформе Ухтинского вокзала и ожидаем посадки. Тепловоз подал сигнальный свисток и поезд остановился. Я считаю вагоны:

— Раз, два, три, четыре, пять...

Всего двадцать пять вагонов! Такой длинный поезд отправляется по маршруту Воркута — Москва!

Мы занимаем четыре места, и с сестрой забираемся на верхние полки, — в поезде все интересно: смотрим в окно и на повороте видим зелёный хвост нашего длинного состава.

В первый день за окном мелькают хвойные леса нашей северной тайги. Но постепенно пейзаж меняется: всё шире открываются просторы колосистых русских полей с крестами и куполами церквушек на синем горизонте, машут ветвями богатырские дубы, как на картине Шишкина.

Как прекрасна наша страна! Как радостно, что вся семья вместе! Папа, как всегда заботливый и внимательный к нам, заказывает обед. Буфетчица приносит из ресторана горячую еду в алюминиевой посуде, в которой всё кажется вкусно. А для полного счастья папа покупает нам эскимо в серебряной фольге!

На следующий день рано утром мы прибыли в Москву. Нас ослепило июльское солнце, окружили высотные дома со шпилями, оглушили

автомобили, трамваи, свистки и сигналы, — всё сливалось в единый московский гомон.

Это был воскресный день. Мы попали в яркую, праздничную Москву, кипящую и торжествующую новой, возрождённой жизнью.

До отправления в Ростов-на-Дону у нас был в запасе весь день. Мы сразу перешли на Курский вокзал, и папа сдал чемоданы в камеру хранения, при себе оставив только самое необходимое. Нам повезло: на вокзале как раз объявили экскурсию по Кремлю и заодно прогулку по Москве-реке.

Вот она какая, Москва! — Красная площадь, Кремлёвская стена, башни Кремля, бой курантов и горящие звёзды!

Папа держал меня за руку. Народу было много, и мы старались не терять своего экскурсовода. Это была женщина, похожая на учительницу, она очень интересно рассказывала об истории Кремля, о Царь-колоколе и Царь-пушке, о героизме Минина и Пожарского, о великом князе Юрии Долгоруком.

Помню, меня удивило, что Москва много раз горела в пожарах, сгорая дотла, я запомнила, что нынешний Кремль был построен заново

после пожара 1812 года. Видя перед глазами чудо-красоту Кремля, его расписные храмы и собор Василия Блаженного, попадаешь в живую древнерусскую сказку.

Пребывая в счастливом настроении, мы спустились к Москве-реке и прокатились на катере от Васильевского спуска до университета Ломоносова на Ленинских горах и обратно. Это было незабываемое зрелище: перед нами открывалась панорама всей Москвы.

На Красную площадь и обратно на вокзал мы добирались в метро. Помню первое ощущение на эскалаторе: я держу папу за руку и тороплюсь прыгнуть на ускользящие ступеньки... А лестница-чудесница, о которой я так много мечтала, везёт нас в сказочное подземное царство. Значит, мечты сбываются!

Когда мы вернулись на вокзал, до отправления нашего поезда ещё оставалось часа четыре. Мы сходили в буфет, и папа позволил мне самой погулять по вокзалу, купить мороженое и сидро.

Но мне так хотелось продлить счастливые минуты этого дня, и я сказала:

— Папа, разреши мне ещё раз прокатиться на эскалаторе...

Я же мечтала о этом, наверное, целый год и уверяла папу:

— Метро совсем рядом с вокзалом, я могу сходить и покататься сама.

Папа понял моё сильное желание и не смог отказать, но серьёзно предупредил:

— Будь внимательна и осторожна, держись за поручни. Покатайся недолго, полчаса, раза три вверх и вниз по эскалатору, и сразу возвращайся, мы будем ждать тебя на этом же месте.

Я кивнула в знак согласия и пошла, зажимая в ладони пятак для покупки жетона, но заметила, что мама не очень одобряет мою прогулку. Поток вокзальной толпы вынес меня в метро и привел прямо на эскалатор.

Держась за поручни, я три раза поднялась и спустилась, как и обещала. С любопытством рассматривая огромные люстры и светильники, скользящие ступени и поручни, я озиралась вокруг, наблюдая за людьми, среди которых было много приезжих с дорожным багажом. Настоящие москвичи, легко сбегая по ступеням, отличались уверенной и быстрой походкой.

Я и не заметила, что иду совсем по другому тоннелю с высокими сводами. Поддаваясь течению толпы, я дошла до другого эскалатора. Снова поднялась и спустилась по бегущим ступенькам. Опомившись, что обещала папе покататься только на одном ближайшем эскалаторе, я хотела поскорее вернуться, но толпа опять несла меня по незнакомому тоннелю.

А где же те яркие витражи, возле которых я останавливалась? В этот момент я с ужасом поняла, что заблудилась...

Вокруг сновали люди, женщины-дежурные дремали под стеклянными колпаками, рядом со мной сустились массы людей, а я ощущала себя в одиночестве, как Робинзон Крузо на необитаемом острове. На меня никто не обращал внимания.

В какой-то момент чувства отчаяния, стыда и обиды захлестнули меня. К горлу подкатил предательский комок, в висках застучало... Я была в растерянности, думая только об одном: как же мне выйти к вокзалу, где меня ждут мама и папа? Наверно, они уже волнуются за меня...

Невольно мне вспомнился дядя Стёпа, добрый милиционер из детской книжки. В метро я видела милиционеров, но все они были се-

рвѣзные, занятые своими делами, и у меня не хватало смелости обратиться к ним.

Перед глазами мелькали люди, стены, колонны, кафельные плитки... Но где-то же должен быть выход на первый тоннель! Снова и снова я шагала туда и обратно под незнакомыми сводами...

Это было наказание за мою беспечность и рассеянность в таком опасном месте, как московское метро. Наверное, оно самое большое в мире! Скорее всего, я попала в кольцевой тоннель и заплутала в нём.

Вечером в метро становилось слишком многолюдно и душно, но больше всего меня мучила совесть:

— Я же подвела папу! Он верил, что я не пойду вглубь метро, что покатаюсь только на первом эскалаторе, иначе он бы не отпустил меня. Он всегда мне доверял! Да я и в самом деле не собиралась гулять по метро.

«Надо сосредоточиться и вспомнить весь пройденный путь. Где же я по ошибке свернула в сторону?» — мысленно говорила себе.

В который раз проходя один и тот же путь, я встречала яркие витражи и мозаичные карти-

ны, расписанные на стенах, но больше не оставалась и не рассматривала их.

«Я должна найти выход, должна! Надо очень внимательно пройти ещё раз!» — строго приказала я себе.

В моей памяти осталась картинка: будто собравшись в кулак, как все пять пальцев перед боем, с широко раскрытыми глазами, сосредоточенная и серьёзная, я иду по подземному лабиринту метро с уверенной надеждой выйти.

Наверное, я заслуживала вознаграждение за все переживания... Сердце моё учащённо забилося. Я не верила своим глазам! Наконец, каким-то чудесным образом я вышла на первый тоннель.

Хорошо, что спешащая толпа не занесла меня в какую-нибудь электричку, тогда меня пришлось бы долго разыскивать.

Осталось ощущение, что кто-то невидимый поддерживал меня в трудные минуты, не дал впасть в отчаяние и помог выйти из тупика.

Я скорее поспешила на вокзал, ведь пока кружила в метро, пробежало часа два вместо обещанного получаса. Родители уже всерьёз волновались за меня. Пора готовиться к посадке на поезд, а меня всё нет...

Мама меня отчитала. Я стояла молча, понимая вину. Папа успокаивал маму и старался поддержать меня, видя все переживания на моем лице.

Наконец, мы благополучно сели в поезд. День закончился, и в вагоне все легли спать.

И всё-таки, это был удивительно счастливый день! А о том, что заблудилась в метро, я никому не сказала.

2019

*Из фронтовой биографии отца,
Александра Филипповича Скоробогатова (1923-2000),
прошедшего путь пехотинца от Сталинграда до Берлина.*

Трижды воскресший

Александр Филиппович Скоробогатов, мой отец, родился 28 октября 1923 года в Краснодарском крае, в семье русских переселенцев из

Курской губернии. Дедушка Филипп и его братья были большими мастерами в строительном деле, до революции 1917 года они строили часовни в русских сёлах и деревнях. Поэтому не удивительно, что папины родители воспитывали четверых детей в православных традициях, учили честности и трудолюбию.

В ночь на 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Три сына Скоробогатовы добровольцами ушли на фронт. Папины старшие братья, Николай и Пётр, погибли в начале войны — в сентябре и октябре 1941 года, а младший, как будто в рубашке родился — папа прошёл путь пехотинца от Сталинграда до Берлина и с победой вернулся домой.

День Победы 9 Мая стал самым любимым праздником всей страны. В этот день, раз в году, папа надевал ордена, к нам приходили гости и в доме звучали фронтовые песни. У папы был красивый голос, он очень душевно пел любимые песни военных лет: «На позиции девушка провожала бойца...», «Бьётся в тесной печурке огонь...», «Тёмная ночь...» и многие-многие другие, они звучат в моей памяти и сейчас.

Когда расходились гости, в кругу своей семьи папа предавался фронтовым воспоминаниям. Я слушала его, затаив дыхание, мне навсегда запомнились его рассказы.

Много походов, сражений и битв хранила память фронтовика, но особенно ярко запомнился первый бой.

Закончив ускоренный курс Урюпинского военно-пехотного училища, вчерашний десятиклассник в восемнадцать лет стал младшим лейтенантом и командиром пехотного взвода, в марте 1942 года он получил направление на Сталинградский фронт.

В это время Красная армия отступала в жесточайших боях, фашисты прорвали фронт под Воронежем и уже бомбили город Калач.

Ночью взвод подняли по тревоге и в составе 159 пулемётно-стрелкового батальона в полном снаряжении с пулемётами и автоматами погрузили в эшелон и отправили на линию фронта в город Тихорецк, где формировалась часть.

Но до места назначения состав не доехал: под Сальском поезд попал под бомбёжку. Сол-

даты поскорее выбрались из горящего состава и дальше шли пешком до города Калача на Дону, не зная, что и его уже бомбят немцы.

Разве можно забыть, как чумазые, в саже, пробирались по лесному бездорожью и в поту всё тащили на себе? Лейтенант на равных разделял все тяготы пехоты.

— Пока топали, намаялись: два пулемёта по 64 килограмма, десять коробок патронов по 12 килограммов каждая, автоматы и гранаты... Поступила команда перейти с правого фланга на левый... Откуда вдруг взялись немцы? Стрельба повсюду... Мы неожиданно оказались в кольце окружения и вступили в неравный бой, — вспоминая подробности, возбуждённо рассказывал отец. — В первый момент окружения было трудно осознать происходящее, но надо собраться единым духом, побеждать страх и идти на врага.

— Комиссар молодец, не робел! Первым вырывался вперёд с криком: «За Родину!..» — Как тут не подняться! — и лейтенант не отставал: «Ура! За Родину!» — вслед за ними с яростью и отчаянием бежали все солдаты. Комиссара

убили первым, и много на войне геройски погибло таких комиссаров...

— Немцы стреляют бесперебойно, — у них-то в пулемётах ленты железные, а наши брезентовые — в жару будто плавятся на глазах. Стреляем, стреляем, а фашисты не падают... Потом понял — патроны пошли наперекос. Вытащил пулемёт, стал регулировать, а фашисты, пьяные и наглые, трассирующими пулями поливают... Одна из пуль и угодила мне в голову, на лету царапнув висок. Залился кровью... Наскоро кое-как забинтовали — не до ранения было... Немцы-то вон как идут, чуть ли не с маршем... Отрегулировал, прицелился и как бабахнул — попадали. Однако, снова поднялись... Один снаряд, нацеленный на нашу позицию, не долетел, другой перелетел. Ну, думаю, третий будет точный — среднеарифметический. Поскорее поменяли позицию. Многие наши полегли в окопах... А мы на новом месте и пока ещё живы... — взволнованно рассказывал отец.

Три дня длился яростный, неравный бой. Теряя товарищей, батальону удалось вырваться из

окружения. Вечером пришёл командир роты и предупредил:

— Стемнеет, будем отходить, а вы на сутки останетесь для прикрытия. Пришлю связного, тогда и будете отступать.

— Держались сутки, как могли... — снова переживал отец, — снаряды на исходе... До ночи ждали связного, но он так и не появился. Думали: оказался предателем или погиб? Посовещались, — как действовать дальше?.. Во взводе выделялся один солдат постарше, ему было лет сорок, человек серьёзный, до войны работал председателем колхоза. Он посоветовал больше не ждать — ночью надо отходить. Когда всё вокруг стихло, собрались и пошли, выбрались к реке, нашли лодку, тихонько погрузились и переплыли на другой берег.

В мартовские ночи пронизывало холодом и сыростью. Шли без остановки весь день и к вечеру, измождённые и голодные, добрались до своих.

— Горела ковыльная степь. Мы были в саже, чёрные, как негры, но светились радостью — добрались до своих. Решение оказалось вер-

ным! Если бы прождали до утра, то все бы погибли. О предательстве связного стало известно позже.

Однажды я спросила у папы: «А кино отражает настоящую войну?» Он ответил: «Война — это, прежде всего, страшные страдания и массовая гибель людей. Весь ужас той войны невозможно передать ни в книгах, ни в фильмах: кругом кровь, горы трупов, разорванные части тел..., и воздух пропитан смертью...»

Полгода длилось горестное отступление. Это была безрадостная весна и тяжёлое лето 1942 года. С чувством стыда и горечи, шагая под палящим зноем, солдаты оставляли родные города и сёла с цветущими садами и зрелыми полями. Вслед отступавшим, вытирая слёзы, смотрели немощные старики.

В районе Сталинграда главенствующим интересом немцев был выход к Волге и Каспийскому морю, к запасам нефти и газа. Ленинград и Сталинград — главные символы Советского государства, поэтому Гитлер мечтал сравнить оба города с землёй.

В июле 1942 года военное командование СССР издало приказ № 227 с призывом «Ни шагу назад!» Каждый солдат знал: «За Волгой для нас земли нет!» Началась оборона Сталинграда, длившаяся 200 дней и ночей в непрерывных, кровопролитных боях.

Отец был очевидцем смертоносного удара по Сталинграду, по мощности и внезапности равного вероломному нападению на советские границы в июне 1941 года.

23 августа 1942 года — трагический день в истории Сталинграда. На город было совершено 2000 налётов вражеских бомбардировщиков, полсотни самолётов постоянно кружили в небе, стоял оглушительный рёв, бомбы тучами повисали над городом, и, с грохотом обрушиваясь, превращали дома в руины. Зажигательные бомбы разлетались огненным дождём, пожарами охватило все улицы. Сквозь рёв снарядов и гром взрывов доносились крики и стоны людей, оказавшихся под завалами.

— В солнечный летний день город накрылся чёрным дымом, не видно было ни солнца, ни синего неба. А ночью от пылающего огня и по-

жарищ было светло, как днём... С жутким гулом горел взорванный элеватор. Раскаты бомбёжки раздавались за сто километров от города, казалось, что гудели и выли степи... Попрятались звери и птицы, дрожала и сотрясалась земля, — снова переживал отец.

В городе находилось мирное население численностью около 500 тысяч человек. В этот трагический день погибло примерно 43 тысячи человек, и неизвестно, сколько ещё было раненых, покалеченных и погибших беженцев.

Предварительной эвакуации населения в Сталинграде не объявлялось. В августе началась срочная эвакуация людей за Волгу, охваченную постоянными бомбёжками с неба.

В легендарных боях плечом к плечу с пехотинцами сражалась морская пехота. На дно Волги ушли сотни погибших советских кораблей, переполненных людьми. Пролитая нефть растекалась по поверхности воды и вспыхивала шипящим огнём.

Эвакуацию старались совершать в ночное время, переправляя раненых за Волгу, обратно отправляли боеприпасы и солдатские попол-

нения. В основном это были необученные, не знавшие пороха мальчишки, которым только-только исполнилось восемнадцать. В Сталинград были срочно присланы штрафные роты и батальоны.

На Сталинградском тракторном заводе выпустили шестьдесят новых танков, но силы были слишком неравны. В последнюю неделю августа на Сталинградском фронте погибла половина солдатского состава. С такими же страшными потерями продолжались бои в сентябре и октябре. Железнодорожный вокзал 13 раз переходил от врага к защитникам города и обратно.

Бои за Сталинград отчётливо отпечатались в памяти отца навсегда:

— Нейтральная полоса отделяла нас от врага всего лишь на бросок гранаты.

Фашистам удалось захватить тракторный завод. Вместе со своим батальоном, взвод лейтенанта Скоробогатова участвовал в освобождении завода. Стрельба в цехах была невозможна, там пули отлетали рикошетом. Стояла задача — взять завод любой ценой. Наши пехотинцы, одержимые единым духом, смело бросались в

рукопашный бой, показывая пример русской храбрости, что было не под силу немецким солдатам. Отец повторял, что германская армия трижды превосходила нашу по численности и оснащению, но каждый советский солдат дрался за троих — потому что, он защищал свою страну, свой народ, свой дом и семью.

Неожиданно для врага битва за Сталинград раздробилась на мелкие городские схватки, переходящие в рукопашные бои за каждый отдельный дом, за каждую комнату, за каждый метр и пядь земли.

Отец рассказывал, что такие же бои, как в доме Павлова, гремели в сотнях домов Сталинграда, превращённого в руины.

В этом месиве дыма и огня, крови и сажи порой казалось, что невозможно дать отпор такой мощной дьявольской армаде. Для сплочения и поднятия духа всего народа, советское правительство разрешило открыть церкви. В них совершались молебны и торжественные литургии, звучали молитвы по всей стране.

В сентябре 1942 года в Сталинграде шли смертельные бои, катастрофически не хватало

снарядов и боеприпасов, не хватало бойцов, не хватало патронов, ломались пулемёты, но врага нужно было остановить любой ценой. Солдаты грудью держали оборону. Пехотинцы с автоматами, ручными гранатами и бутылками с зажигательной смесью бежали навстречу вражеским танкам.

Среди этих солдат был и мой папа. 15 сентября вражья пуля пронзила его грудь в сантиметре от сердца. Я хорошо помню шрам от этой сквозной раны: он был в виде пятака, совсем близко под сердцем, одинаковый на груди и на спине.

Истекающего кровью, потерявшего сознание и присыпанного землёй, папу посчитали мёртвым и погрузили на машину вместе с погибшими. Его матери была отправлена похоронка. Но папа был жив. Когда его бросили в кузов вместе с трупами, он очнулся и застонал... Его не успели увезти на братское захоронение, поскорее положили на носилки и погрузили на машину вместе с ранеными солдатами для отправки в госпиталь на другой берег. Волгу бомбили днём и ночью, рядом гибли сотни людей. Под непре-

рывным обстрелом, вместе с другими ранеными отец всё же оказался на левом берегу реки.

Ближайший госпиталь находился в двадцати километрах от берега. Дорогу постоянно бомбили, машина лавировала под ударами, смерть ходила рядом... Ближайший переполненный госпиталь не смог принять новых раненых, доктор развел руками — мест не было даже на полу, и машину, в которой кровью истекал и мой отец, отправили ещё за тридцать километров.

Потом стало известно, что в тот первый госпиталь, где не смогли принять раненых, попала бомба, там погибли все раненные солдаты и медсанчасть.

Удивительные силы помогали моему папе в тот сентябрьский день — 15 сентября он трижды побывал в руках смерти и остался жив! Кто-то спасал моего отца от верной смерти, наверное, помогали ежедневные молитвы матери... Папина сестра Клава скрывала от неё похоронку на третьего сына.

Три дня он был в бреду, но молодой организм справился со смертельно опасной раной. Однако многочисленные мелкие осколки навсегда

остались в груди. И потом, после войны, его рентгеновские снимки всегда смущали врачей. И фронтовые раны с годами всё больше напоминали о себе.

А тогда полевой доктор в госпитале сразу же заметил у отца ранение на виске, полученное полгода назад во время первого боя, когда вырывались из окружения. Папа не обращался к докторам: «Не до ранения было»...

Врач вскрыл и почистил запущенную, лишь с виду затянувшуюся рану, и крепко отругал: «Ранениями в голову не шутят!» Он хотел задержать отца в госпитале. Но молодые бойцы, только встав на ноги, снова стремились в бой. Совесть не позволяла им лежать, когда там, на линии фронта, идут смертельные бои, и так важна помощь каждого солдата.

Скоро лейтенант был снова в строю. Ему довелось участвовать в переломных событиях на Сталинградском фронте в ноябре-декабре 1942 и в победном исходе битвы в январе 1943 года.

В середине ноября 1942 года под строгим секретом маскировки, пополнив армейские ряды и вооружившись новой артиллерией, танками

и авиацией, Красная Армия тремя фронтами внезапно ударила по фашистской армии. Как шквал, поражали врага сверхмощные советские «Катюши», о которых отец рассказывал с гордостью.

Германская армия не могла поверить в реальность происходящего: неожиданно она была раздроблена мощнейшим ударом и зажата в два кольца. 2 февраля 1943 года многочисленная армия Паулюса, побеждённая атакой Красной Армии, подписала капитуляцию. В плен были взяты 22 немецкие дивизии, — это 330 тысяч пленных — невиданная в истории войн численность захваченных в плен! Это был удивительный поворот событий в Сталинградской битве!

Знаменательно, что в эти же дни, страна переживала за Ленинград. Наконец, 18 января 1943 года в труднейших боях солдаты Ленинградского и Волховского фронтов встретились, и в героической схватке с врагом двумя фронтами им удалось прорвать кольцо блокады в районе Мги. В Ленинград открылась «Дорога жизни», город ожил и задышал, на помощь изголо-

давшимися, измученным ленинградцам пошли караваны грузовиков с хлебом, продуктами и всем необходимым.

В январе 1943 года весь советский народ разделял единую радость победы Сталинграда и прорыва блокады Ленинграда!

Полное освобождение Ленинграда и снятие блокадного кольца удалось осуществить через год, 27 января 1944 года. Ленинград героически продержался в тисках блокады 900 дней и ночей, выстоял все голодные испытания и победил, возродив из руин красоту своих неповторимых архитектурных ансамблей.

В героической Сталинградской битве проявился единый массовый подвиг всех советских солдат, победила сплочённость Красной Армии и всего советского народа. С победы в Сталинградской битве начались переломные события в Великой Отечественной войне.

За проявленное мужество в легендарной битве девятнадцатилетний отец получил свою первую награду — медаль «За оборону Сталинграда», которой очень дорожил, ценил ее наравне с орденами.

После победы Сталинградский фронт был расформирован. Старший лейтенант Скоробогатов был назначен командиром пулемётной роты, входящей в состав 508-го отдельного пулемётно-стрелкового батальона, идущего в рядах Первого Белорусского фронта, которым руководил великий полководец Георгий Константинович Жуков.

Весной и летом 1943 года отец участвовал в широкомасштабной подготовке и в решающих сражениях Курской битвы.

Германия держала в строжайшем секрете крупнейший план нападения под названием «Цитадель». Советской разведке удалось расшифровать секретные материалы. Главный удар планировался на апрель... Но даты нападения сдвигались.

К наступлению готовились широким фронтом, врагу направлялась диверсионная информация, активно работала советская разведка.

Солдаты и офицеры трудились день и ночь: рыли окопы (общая их длина протянулась до 5 тысяч километров!), готовили мощные траншеи и рвы, ставили танковые заграждения, ма-

скировали поступающие на фронт новые танки, расставляли резервные огневые узлы.

Обстановка на фронте в корне изменилась. Обученными бойцами регулярно пополнялись солдатские ряды, в армию поступали новые мощные танки. Совершая разведку за линией фронта, в небе кружили новые советские самолёты. С гордостью и восхищением отец рассказывал о легендарной советской авиации: «Отваге у Покрышкина учились, не счесть у Харитонова побед!».

В начале июля 1943 года армия фашистской Германии мощным тараном вышла в наступление. Но неожиданно Красная Армия, изо дня в день ожидавшая нападения, выступила навстречу вражеской армаде равным по мощности и силе ответным ударом.

Выдвигая главный удар по направлению Понеры – Курск и неожиданно получив мощный отпор, армада фашистских танков пошла назад. В бой одновременно вступили до четырёхсот танков двух армий: навстречу «Пантерам» и «Тиграм» смело вышли новые советские танки «Тридцатьчетвёрки».

Казавшиеся непобедимыми дивизии «Адольф Гитлер» и «Мёртвая голова» сложили свои головы под Курском. Мощным, спланированным ударом на Орловском направлении советские войска раздробили на части мощнейшие вражеские группировки. Красная Армия освободила главные дороги и города: Курск, Белгород, Харьков, Орёл.

На Курской Дуге было разбито 30 мощно вооружённых гитлеровских дивизий и взято в плен 500 тысяч вражеских солдат!

Грандиозная по масштабам Курская битва на удивление фашистским дивизиям завершилась славной победой Красной Армии, которая продолжила своё победное шествие дальше — до Берлина. Произошёл коренной перелом в Великой Отечественной войне. Теперь Советский Союз диктовал дальнейший ход событий.

И лейтенант Скоробогатов продвигал пулемётную роту всё дальше и дальше на Запад. Прошагав ещё половину военных дорог, он участвовал в освобождении оккупированных

немцами территорий Смоленской области, Белоруссии и Польши, воевал в крупных сражениях на Висле и на Одере, и в самом Берлине до полной Победы.

При отступлении нацисты вели себя жестоко и мстительно: уничтожали русские деревни, сжигали заживо людей, загоняя в амбары. Такие картины невозможно забыть... В районе села Рудня Смоленской области взводу лейтенанта удалось предотвратить поджигание, но несколько крайних изб было охвачено огнём. Папа вспоминал, с какой радостью со слезами наших солдат встречали жители освобождённых сёл и деревень.

К белорусскому народу папа всегда испытывал большое уважение. Он объяснял ученикам, что Белоруссия героически заслонила Россию и стояла насмерть, приняв на себя удар с первых часов войны.

Отец восхищался героями Бреста. С теплотой вспоминал, как белорусские партизаны, наши настоящие братья по крови, изголодавшие и измученные, выходили из лесов, встречая наших солдат-освободителей со слезами счастья.

Люди испытывали единую братскую радость, были единой семьёй, делились всем, чем могли. Женщины плакали и обнимали солдат со словами: «Родные наши сыночки...»

Говоря о Польше, отец отмечал, что обстановка там была сложная, бои непростые. Предательский смертельный выстрел мог прогреметь из любого окна, ударить в спину даже после объявления Победы. Но были и другие, преданные поляки, освобождающие Польшу от нацистов, идущие вместе с Красной Армией.

Действуя согласованно, русские и польские солдаты сохранили старинный город Краков, спасли его уникальную, древнюю архитектуру X-XIII веков. Заминированный город фашисты готовили к уничтожению. Операция освобождения и спасения Кракова хорошо показана в советском фильме «Майор Вихрь». Этот фильм и «Летят журавли» с большим волнением папа смотрел много раз.

Долгое время запасы вооружения гитлеровской армии казались неисчерпаемыми. Используя труд военнопленных, женщин и стариков, при отступлении практичные немцы забирали

с собой всё, что могли: вывозили лес, полезные материалы, домашний скот, полностью разоряя сёла и деревни, не стыдились обрезать косы русских женщин, отправляя волосы на парики. Разбирали и увозили из России даже тяжёлые стальные железнодорожные рельсы и вывозили чернозём.

На пути к Берлину, на территории Польши и Германии, немцы поставили мощнейшие железные укрепления, проходящие по берегам семи рек. Одолевать их было очень непросто. Фашисты, теряя позиции, дрались истерически. Чувствуя приближение полного поражения, Гитлер, брызгая слюной, издавал последние беспомощные приказы, был жесток к своим генералам и безжалостно расстреливал верных подданных.

Отец вспоминал ожесточённые бои на реке Висле, преграждающей путь к Берлину, где германская армия сосредоточила большие вооружения. В середине января 1945 года в сражении на реке Висле лейтенант был ранен, получив сквозное пулевое ранение правой руки и осколочные ранения предплечья и кисти.

Папа оказался в госпитале польского городка Люблин. Израненная правая рука висела, как неживая, поэтому военный доктор предлагал удалить руку.

Впереди весна Победы, лейтенанту всего двадцать один год! О потере руки он даже мысли не допускал, проявил волю и упрямство, и уверенно сказал: «Удалять не дам! Рука обязательно станет здоровой!» Он упорно делал упражнения, первозмогая боль, ежедневно разрабатывал руку — и не стал инвалидом.

Он никогда не жаловался на свои раны, но с возрастом ранения беспокоили, особенно по ночам, папа иногда стонал во сне, но никогда не жаловался, просто не имел такой привычки. Прожив 55 лет после войны, папа трудился изо дня в день. И правая рука никогда не подводила его.

Через месяц лейтенант снова вернулся в строй и ещё воевал в боях за взятие Берлина. Теперь он числился в составе 247-й стрелковой дивизии 916-го стрелкового полка.

На последних рубежах подступа к логову фашизма была битва на реке Одер, на другом берегу — Берлин.

Оснащенная новой военной техникой Красная Армия уверенно шла к Победе, но отступающая Германская армия везла с собой массу вооружения и, обеспеченная колоссальными запасами, не хотела сдаваться. Во время сражений происходили мощные столкновения тяжёлых танков, артиллерии и авиации; сотрясаясь от громовых взрывов, дрожали небо и земля.

Очень сложными оказались бои и в самом Берлине. Разгромленный с неба авиацией США, город превратился в руины. Советским солдатам приходилось биться в опасных перестрелках за каждый подъезд, этаж и подвал, очищая от нацистов дом за домом.

За мародёрство солдат наказывали, папе было стыдно за них. Военное руководство СССР при входе в город сразу издало приказ о помощи голодающему населению Германии.

В последние дни войны отцу довелось участвовать в особой операции — в разгроме фашистской группировки в районе Цоссен под Берлином, где разместился пункт Верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ). В этом сражении, в ночь на 6 мая

1945 года, лейтенант был снова ранен, получив осколочные ранения правой ноги.

Ликующий день Победы 9 мая 1945 года, папа встречал в госпитале. После излечения он продолжал служить в Германии, входя в число офицеров 48-го отдельного полка Резерва офицерского состава Северной группы войск. Папе предлагали продолжить военное образование и трижды отклоняли рапорт, но он решил вернуться на родину и в январе 1946 года уволился в запас.

Перечитывая мемуары Жукова, отец помнил слова полководца: «Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе».

Четырежды раненный в боях, награждённый двумя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды, военными медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», медалью Жукова, отец заслужил звание капитана. Но чувство скорби за миллионы погибших на полях сражений он носил в сердце до конца жизни.

Пройдя все испытания войны, папа не ожесточился, а наоборот, отличался редкой душевной добротой, сердечной чуткостью.

Вспоминая фронтовые годы, он и сам удивлялся, что, пройдя всю войну под смертельными пулями, остался жив. Видно, так было угодно Богу. Остался жив, чтобы встретиться с мамой, чтобы построить дом, чтобы я родилась на свет, чтобы оставить светлую память в сердцах родных и близких людей, благодарных коллег и учеников.

После войны он уехал на Север; думал, что временно, но женился и остался навсегда. Папа был мастером в любом деле, он смело взялся за строительство дома, о котором так мечтала мама.

Не имея никакой поддержки и помощи, надеясь только на свои силы, он упорно трудился летом и зимой, сколачивая сруб. Выполняя все работы своими руками, папа за два года построил дом и смастерил всю домашнюю мебель. В сентябре 1956 года, мы переехали в новый дом, в котором прошло моё детство и произошло много важных событий в жизни нашей семьи.

Папа всегда стремился к знаниям, много читал, особенно историческую литературу, изучал историю России, перечитывал книги о Суворове и Кутузове, любил стихи Пушкина, Некрасова, Есенина и у детей воспитывал интерес к чтению. Он закончил заочно педагогический институт, осуществив мечту доверенной юности.

Отец имел природный педагогический дар, всегда был требователен к себе и старался соответствовать званию учителя. Окружённый детьми, он допоздна задерживался в школе, всегда вёл классное руководство, проводил дополнительные занятия, добивался хорошей успеваемости.

Он отвечал за радиоузел и проводил все школьные вечера. Ученики вместе с учителем готовили концерты, оформляли стенгазеты, ходили в походы, работали на полях. Дети любили его за справедливость и требовательность, за чуткое внимание к каждому ученику и с радостью бежали в школу.

В знак уважения, накануне 9 Мая, для своего учителя мальчишки придумывали сюрпризы.

Утром выстраивались в коридоре в линейку и встречали его с криками: «Александр Филипповичу — ура!!!», — кричали трижды.

Каждый понедельник перед занятиями он проводил политинформацию для учителей. «Вот здесь он был недосягаемым», — говорили коллеги. Папа был разносторонне одарённым, он мог стать прекрасным военным историком и писателем.

В предпраздничные дни он приходил домой с полным портфелем поздравительных открыток от школьников и учителей, гора открыток не помещалась на письменном столе и рассыпалась на пол разноцветным ковром.

До 70 лет папа перечислял добровольные взносы в Фонд Мира, личным примером воспитывал у детей любовь к Родине. В беседах со школьниками и на встречах с повзрослевшими учениками он объяснял:

— Люди должны помнить, какой великой ценой досталась наша Победа, необходимо объединять все созидательные силы на земле и хранить мир во всём мире. Будьте достойны памяти отцов и дедов, несите в сердцах благодарность

поколению победителей, изучайте историю России и гордитесь её героическим прошлым, воспитывайте у детей и внуков любовь и верность к своей Родине. В этом и состоит подвиг будущих поколений.

И в военное, и в мирное время — папа всегда был настоящим русским солдатом и до последнего дня верно служил своему Отечеству.

2015

Настоящий учитель

В свои четырнадцать лет Витька уже понимал, что жизнь у него не такая складная, как у других семиклассников. И одежду ему прихо-

дится донашивать за старшим братом — старую куртку и старые ботинки, и учится он не так, как хотелось бы самому. Витька всё острее чувствовал это. В голове у подростка кружилось много разных мыслей и сложных вопросов. С кем посоветоваться и как всё исправить? — Витя пока не знал и подчинялся только чувствам, которые и руководили его поступками.

Родители подростка работали на лесозаводе, где трудились почти все жители посёлка. Мать после войны осталась без родителей. Ей было не до учёбы: чтобы вырастить младших братьев, пришлось идти работать.

В молодости она трудилась в бригаде лесопильного цеха, но с тех пор, как заболели ноги, подрабатывала уборщицей. Отцу до Витьки вообще не было никакого дела. Обычно с работы он приходил под хмельком.

Как только мать уходила на вечернюю работу, у отца собирались дружки, в доме раздавались пьяные споры, крики и ругань. Услышав шум, даже кот Васька прятался за печь. И Витьке находиться в такой обстановке было тяжело — не хотелось ни читать, ни делать уроки. Он нахлобучивал шапку и уходил на улицу.

А улица в эти осенние дни встречала дождливой погодой: на сером небе налетевший ветер разрывал в клочья густые облака и безжалостно гнал эту бесприютную стаю куда-то за далекий горизонт. Иногда собирались упрямые тучи и, не подчиняясь ветру, как будто жалуясь на свою бездомную судьбу, проливали на землю колючие слёзы.

Витька по-своему любил мать и в душе жалел её — помогал по хозяйству, не грубил, но общего языка с нею не находил, устал от материнских слёз.

В новом учебном году новая учительница химии, Ирина Ивановна, в их седьмом классе была назначена классным руководителем.

Дома, открывая школьный дневник сына, испещрённый красными записями, мать расстраивалась, переходя на упреки и слёзы. Сын этого не переносил, замыкался и не желал ничего отвечать.

Ирина Ивановна почему-то сразу невзлюбила ученика. Отчитывая его перед всем классом, была несправедлива, срывала на Витьке свою нервозность, находя повод, чтобы выставить

его из класса. Наверное, хотела избавиться от нерадивого ученика, который позорит её класс.

К отличникам Ирина Ивановна проявляла заметную симпатию. Среди них был сын райкомовского работника, всезнающий Валера, уверенно отвечающий у доски, и писклявая Любочка — известная в классе зубрилка и ябеда.

Классная учительница обвиняла Витьку в различных проделках, которые он не совершал, будь то разбитая форточка или сорванная дверная ручка, а иногда — разрисованная кем-то школьная парта. После таких обвинений Вите действительно хотелось сделать что-нибудь назло.

Нежные чувства к матери охватывали мальчишку, когда он изредка рассматривал семейный фотоальбом. Там на одной фотографии мать была ещё совсем молоденькая, Вите было всего три года, а рядом стоял брат Андрей, уже школьник. И голубые глаза у троих такие одинаковые — светлые, доверчиво чистые.

Андрей уже отслужил в армии, летом приезжал на несколько дней повидаться с матерью и скоро уехал работать в город. Перед отъездом сказал Вите: «Закончишь восемь классов и при-

едешь ко мне, поступишь в техникум. Очень повезёт, если будешь учиться у Александра Филипповича».

Витя верил Андрею. В новом учебном году математику у семиклассников вёл Александр Филиппович. Он и стал светлым лучиком в жизни подростка.

Вспоминая слова брата, Вите хотелось поскорее повзрослеть, чтобы тоже уехать в город. Витька любил предаваться своим мечтам, как и любой мальчишка в четырнадцать лет. Хотя он ещё не знал, кем ему хочется стать, на кого учиться, но точно знал, что в посёлке не останется.

С каждым днём погода становилась всё пасмурнее, приближался холодный ноябрь, ветер хлестал прохожих то дождём, то колким снегом.

Беззаботное лето пронеслось очень быстро и как будто растворилось. Витька с грустью вспоминал, как два месяца назад вместе с мальчишками он беспечно гонял футбольный мяч, бегал загорать на прогретую солнцем речную косу, весело плескался в тёплых, голубых волнах.

А теперь Витька начал привыкать к другому образу жизни: болтался на улице, приходил домой поздно и, не делая уроков, ложился спать.

Он и не заметил, как потерял связь с ребятами. Самым близким из них был приятель Вовка, который в этом году стал очень занятым, так как учился уже в восьмом и готовился поступать в техникум. Иногда Витьке казалось, что он бредёт по какому-то запутанному лабиринту.

Теперь самым близким дружком для Витьки стал дворовый пёс по кличке Джек. Он жил в деревянном сарае и с радостью встречал подростка, — Витя не забывал прихватить с собой горбушку хлеба или кусочек сахара.

Джек хорошо разбирался в людях. От грубиянов пёс отбегал подальше, чтобы не получить пинка, а к Вите бежал навстречу и благодарно лизал руку.

На улице к Витьке всё чаще стал приставать Косухин Гришка — переросток, бросивший школу и до призыва болтавшийся по улицам. У него было прозвище Косой. Он всегда ходил с двумя верными дружками.

Вот и опять, заметив семиклассника, подошёл вразвалочку и нагло вато пробасил: «Пошли с нами». Витька не искал дружбы с тройкой Косого, но почему-то пошёл. Джек тоже поплёлся за ребятами. В это время проходящая недалеко школьная дворничиха, обратила внимание на всю эту компанию.

Обычно Гришка был болтлив и хвастлив, но сегодня мальчишки молчаливо прошли до конца посёлка к реке, где стоял старый склад. В этом молчании была какая-то тайная напряжённость.

Косой присел на старые брёвна и достал из кармана пачку «Севера». Все трое дружно закурили.

— А ты чего? — рыкнул Гришка, глядя на Витьку. Витя понимал, что идёт «на поводу», но тоже взял папиросу и впервые затянулся.

Удушье перехватило горло, он сразу поперхнулся и закашлялся. Тройка весело расхохоталась. Только пёс, присевший в сторонке, тихонько и жалобно взвыл.

Уже совсем стемнело. На улицах не было ни души. В сыром воздухе плавал туман.

— Стой здесь! — приказал Косой, — кого увидишь, так сразу же свистни!

Тройка направилась к одинокому складу. Дождь усилился, Витя промок. Джек тихонько скулил.

— Зачем я пришел сюда? Не нужны мне такие дружки, — предчувствуя что-то недоброе, как будто очнувшись после гипноза, подумал Витя.

Он погладил Джека, ощущая его преданность и поддержку. Друзья уверенно направилась в сторону дома и растаяли в дождливом тумане.

Через несколько дней весь посёлок облетело известие, что ночью было совершено ограбление старого продовольственного склада, одиноко стоящего у реки.

Оглушённый ударом, сторож находился в больнице в тяжёлом состоянии. «Дело» разрасталось, как снежный ком, и уже ходили слухи, что в посёлке орудует банда головорезов.

Сотрудники милиции быстро вычислили «подельщиков», и в отделение был вызван Косой со своими дружками, а вместе с ними и Витька, как соучастник кражи. Витя сидел в коридоре, дожидаясь своего вызова к инспектору, голова

его гудела, как будто он сам оглушен увесистой дубинкой.

Чувство стыда, обиды и горечи переполняло мальчишку и давило в груди так же, как накатившийся к горлу комок.

Про себя рассуждал: в одну компанию с Косым его причислили, наверное, по донесению дворничихи, а может быть, и по предположению классной руководительницы, невзлюбившей его. Было понятно, что случившееся недоразумение как-то связано и с дурной славой отца.

Наконец Витька был вызван в кабинет. Молодой инспектор по делам несовершеннолетних, сидящий за тумбовым столом, внимательно взглянул на вошедшего семиклассника и предложил сесть напротив.

Инспектор начал говорить о воспитании советских школьников, о правильном поведении в обществе.

Витька, низко опустив голову и теребя в руках поношенную шапку, не слушая инспектора, сидел погружённый в свои переживания.

Ему до конца не верилось, что он находится в милиции «на допросе» и хотелось крикнуть,

что он же никакой не соучастник, что в компанию Косого попал случайно...

«Очень важно, чтобы подросток верил в себя...», — Витька вдруг вспомнил эти важные слова, которые запали ему в душу.

Совсем незадолго до злополучной кражи Ирина Ивановна вызывала Витю вместе с матерью.

Директор школы Мария Дмитриевна и классный руководитель сидели за большим директорским столом, а Витька с матерью, как провинившиеся, стояли перед ними.

Раскрыв классный журнал и показывая Витькины двойки, Ирина Ивановна жаловалась на успеваемость и поведение Вити. Мария Дмитриевна, не перебивая, устало слушала, глядя на мать и на Витьку.

И вдруг её взгляд остановился на странице журнала, где была проставлена оценка по алгебре, и где, на удивление, против Витькиной фамилии красовалась пятёрка.

— Кстати, — сказала Мария Дмитриевна, как будто хватаясь за спасательную соломинку, — сейчас подойдёт учитель математики.

Через пару минут в кабинет директора вошёл Александр Филиппович, учитель математики

и физики. Витька вспомнил своё ощущение: в кабинете сразу стало светлее. Так было всегда, когда энергичный и по-военному подтянутый бывший фронтовик, приветствуя ребят, с улыбкой входил в класс.

Вот и сейчас, Александр Филиппович с улыбкой поздоровался со всеми и, прежде всего, предложил сесть Витиной маме и Вите.

— Послушаем Александра Филипповича, директорским тоном сказала Мария Дмитриевна, для строгости поджав губы.

Не слушая инспектора, Витька вспоминал, как заработал пятёрку. Александр Филиппович, объяснив новую тему, задал уравнение, а затем, пройдя по рядам и заметив у Вити в тетради правильное решение, вызвал его к доске.

И когда ученик, слегка шмыгнув носом, написал на доске своё решение, Александр Филиппович похвалил его и перед всем притихшим классом объявил подростку о заслуженной пятёрке.

И в кабинете директора, в присутствии матери, Александр Филиппович снова похвалил Витю. Такая роль для плохого ученика была непривычной. Витька вспыхнул от радости,

посещавшей его нечасто, как будто испытал мгновение счастливого взлёта.

— Витя — способный ученик, — сказал Александр Филиппович, — он может хорошо учиться. Думаю, что для этого ему не хватает соответствующих условий. Его надо поддерживать, чтобы он смог закончить восемь классов.

— Я верю в него, и очень важно, чтобы подросток верил в себя, — убедительно сказал учитель.

Витька с благодарностью вспомнил каждое слово Александра Филипповича и почувствовал, что давящий комок в горле постепенно исчез.

В этот же момент за решётчатым окном кабинета небо заметно прояснилось, и солнечные лучи, как будто торжествуя, прорвались сквозь толщу устоявшегося за много дней тумана.

Утомлённый сотрудник милиции, как будто решив разбудить подростка, громко задал вопрос:

— Кто для тебя является положительным примером в жизни? Хоть кого-нибудь ты можешь назвать?

В ответ, отрываясь от своих мыслей, Витя открыто и прямо посмотрел на инспектора и чётко сказал:

— Александр Филиппович Скоробогатов, преподаватель математики. Он — настоящий учитель!

Такой ответ заинтриговал инспектора.

На другой день он пригласил учителя вместе с учеником, чтобы решить судьбу подопечного подростка. Вопрос ставился жёстко — речь шла об отправке Вити в исправительную колонию.

Назавтра Александр Филиппович пришёл пораньше, как договорились. Он попросил Витю ещё раз пересказать подробности происшествия и внимательно выслушал.

В три часа, как было назначено, учитель вошёл в кабинет инспектора.

— Давайте не будем мальчишке портить будущее, он ещё подросток, — сказал Александр Филиппович, — Вите нужна помощь, ведь ему в жизни не на кого опереться. Но в его глазах есть честность и доброта. Думаю, он вырастет, многое поймёт и пойдёт правильной дорогой.

Витя не слышал разговора, но понимал, что там, в кабинете, сейчас решается его судьба. От волнения сердце подростка учащённо билось, но в душе жила добрая надежда: если решающее слово за Александром Филипповичем, значит, всё будет хорошо.

Наверное, то же самое испытывал и верный Джек, терпеливо ожидавший друга у ворот милицейского двора.

2015

Как сбываются мечты

Стояли последние дни августа 1970 года. Будучи студенткой второго курса, я отгуляла каникулы и с родителями возвращалась из отпуска. Все поезда шли через Москву.

Это был юбилейный год 25-летия Великой Победы. Москва, украшенная красными транс-

парантами с праздничными лозунгами, воспевала торжество Победы над фашизмом и уверенность в счастливом процветании Советской страны.

На Ярославском вокзале мы ожидали отправления своего поезда на север. Залы ожидания были переполнены, однако, нам всё же удалось занять освободившиеся места.

Отпуск мы провели на лазурных пляжах Крыма, на земле древних скифов и сарматов, загорали под солнцем греческой Тавриды, купались в бирюзовых волнах Чёрного моря, дышали его лечебным воздухом. Проникаясь гордостью к истории русского флота, съездили в легендарный город Севастополь, побывали в Херсонесе, посмотрели одинокие монастыри, пещеры и водопады. Домой мы возвращались загоревшие, с приподнятым настроением от ярких впечатлений чудесного Крыма.

В памяти ещё были свежи запахи моря, пышных пальм и стройных кипарисов, но на папином лице уже была видна ответственность перед началом учебного года.

Он работал в школе учителем математики и физики. А до первого сентября надо многое

успеть: проверить готовность кабинетов всех классов и лаборантских, подготовиться к педсовету, согласовать расписание, заполнить школьные журналы.

Я заметила ещё в детстве, — у папы было красивое, мужественное лицо, озарённое лучистым взором умных глаз, отражающих глубину мысли и тёплый, душевный свет.

Поэтому не удивительно, что эта история произошла именно с ним.

На вокзале, совсем неожиданно, направляясь именно в нашу сторону, к нам подошли трое молодых людей и обратились к папе:

— Извините, можно с Вами познакомиться и обратиться с просьбой?

Они были студентами из Ленинграда — вежливыми, энергичными, но не шумными, по возрасту немного старше меня, одеты в модные джинсы и куртки.

Папа представился, сказал, что готов их выслушать и предложил отойти в сторонку, чтобы не мешать ожидающим.

— Александр Филиппович, а Вы не могли бы нам помочь с деньгами? — обратился самый активный парень, он назвался Алексеем.

Папа внимательно слушал, а парень продолжал:

— Сейчас я вам всё объясню, понимаете, мы учимся в Ленинграде и едем на занятия после работы в стройотряде. В Москве мы задерживаемся проездом лишь на несколько часов. Понимаете, мы сейчас случайно зашли в магазин электроники, здесь недалеко рядом с вокзалом, и увидели транзистор, о котором давно мечтали.

Из разговора всё стало проясняться. Папа ничему не удивлялся. Ему почему-то сразу понравились эти ребята, наверно, потому что, они из Ленинграда.

— В общем, на покупку транзистора с магнитофонной приставкой нам не хватает двадцати рублей, — закончил Алексей с надеждой в голосе.

Знакомство на вокзале для кого-то показалось бы странным, но папа отличался доброжелательностью и отзывчивостью. Слишком много испытаний ему довелось пережить в жизни и слишком тяжёлый путь остался за плечами, поэтому он всегда старался помочь даже незнакомым людям.

В те годы кассетные магнитофоны были новинкой, люди ещё пользовались ленточными магнитофонами первого поколения, в которых приходилось перематывать катушки, называемые бабинами, при этом магнитные ленты быстро путались и портились.

Папа недолго переговорил с мамой. Мои родители — открытые, честные и верящие в честность других людей, не раздумывая, решили помочь студентам. Папа сразу отдал ребятам недостающую сумму денег.

— Запишите наш адрес, — сказал Алексей и продиктовал адрес студенческого общежития, затем внимательно записал наш — в свой блокнот.

— Приезжайте в Ленинград, можете у нас остановиться и посмотреть самый красивый город на земле, — добавил Алексей, как мне показалось, вполне искренно.

Ребята попрощались и поспешно ушли, а мы пошли на посадку. Мы понимали, что видим студентов в первый и последний раз. Но папа не умел отказывать людям и действительно поверил ребятам. Они ему в самом деле понравились, наверное, глядя на молодых, ему захо-

телось помочь исполнить их давнюю мечту и вместе с ними порадоваться.

Такие люди, как мой папа, встречаются редко. Оказалось, что он отдал незнакомым ребятам почти последние отпускные деньги. Этот случай на вокзале примечателен тем, что среди большой массы людей студенты выбрали именно моего папу — и не ошиблись.

Надо сказать, что папа не раз попадал в подобные истории, бескорыстно помогая совсем чужим людям, — на вокзале давал недостающую сумму на билет или помогал случайно обратившимся прохожим, считая такую помощь своим долгом, даже не ожидая возврата.

Прошёл почти месяц, и мы перестали вспоминать эту историю. И вдруг однажды, папа достаёт из почтового ящика извещение с сообщением: «Вам пришёл почтовый перевод на сумму 20 рублей».

Значит и мой папа тоже не ошибся.

2020

Кеша

Однажды весной у моей сестры Нади неожиданно появился маленький попугайчик. Его удивительное появление в городской квартире, когда дома никого не было, навсегда осталось неразгаданной тайной — по легенде он залетел в открытую форточку, на которую, к его счастью, не успели натянуть москитную сетку.

Вполне возможно, что попугай нечаянно вылетел из какого-то окна, и, заблудившись в оконных проёмах большого дома, случайно попал именно к Наде. А может быть, бывший хозяин по какой-то причине решил расстаться с попугаем и забросил его в форточку квартиры, расположенной на первом этаже?

Так или иначе, но Кеша действительно упал с неба. Окрашенный во все цвета радуги, он оказался очень симпатичным представителем говорящих пернатых — с яркой светло-зелёной спинкой, нежно-бирюзовой блестящей грудкой и с жёлто-оранжевым, блестящим оперением на крылышках, хвосте и вокруг шейки.

Живой и общительный, он звонко и гортанно любил объявлять своё имя: «Кеша-Кеша!» При первой же встрече мы с ним легко подружились.

Попугай сразу стал домашним любимчиком и баловнем, а особенно расходился в своей удали, когда у Нади собирались гости, и была возможность показаться во всей красе.

Сначала Кеша строил из себя воспитанного скромника, спокойно восседая на карнизе под потолком и разглядывая в упор каждого входящего, будто кидая острые стрелы из маленьких,

тёмных, всевидящих глаз. Естественно, что все гости, а особенно дети, обращали внимание на забавную птичку, вступали с Кешей в разговор и были от него в восторге.

Постепенно попугайчик всё больше входил в роль главного артиста и, повторяя слова за хозяйкой, всё чаще подлетал и склёвывал с её ладони лакомые зёрнышки. Затем, уже сидя на Надином плече, он навязчиво выкрикивал своё имя, коверкал обрывки наших фраз и смело пародировал ответный смех.

А под конец от его скромности не оставалось и следа. Опьянённый всеобщим вниманием, Кеша менялся на глазах: не стесняясь, пробовал угощение со стола, работая при этом не только ловким клювом, но и залезая лапками в тарелки, размахивал хвостом, как веером, и ещё, пролетая над нашими головами, в быстром полёте успевал бессовестно капнуть на чьё-нибудь плечо.

Уставшая от переполоха хозяйка начинала строго отчитывать избалованного красавчика, и все гости понимали, что представление окончено.

И вот, месяца через два, Надя собралась в отпуск, оставив Кешу одного дней на двад-

цать, и поручила мне навещать и подкармливать любимчика. Тогда я ещё не знала, насколько ответственное поручение возлагалось на меня.

По неопытности, сестра пока что не приобрела для Кеша заветную подружку и не ограничивала клеткой вольную жизнь питомца. Пернатого баловня оставили в большой комнате, где он чувствовал себя абсолютным хозяином, развлекался от скуки, как ему вздумается, и, конечно, очень скоро в каждом углу торчали ключья повисших обоев.

Ежедневно я приходила кормить Кешу. Но он ел немного, доказывая истину, что не хлебом единым живут и попугаи. Не могу забыть наши трогательные свидания! И сейчас, когда прошло много лет, я с волнением вспоминаю бурные чувства маленького попугайчика, которые передавались и мне.

Я навещала Кешу во время обеденного перерыва, поэтому моё время было очень ограничено. А мой дружок по своей природе оказался настолько разговорчивым и общительным, что состояние одиночества стало для него настоящим испытанием.

Каждый раз, как только я вставляла ключ в замочную скважину и открывала входную дверь в прихожую, Кеша поднимал в своей комнате невообразимый шум и гам: нетерпеливо и быстро, как дятел, стучал клювом о дверное стекло и очень громко верещал, ворковал и свистел. Он шумел и шуршал как будто не двумя, а множеством прелестных маленьких крыльев.

Заходя в его комнату, приходилось отмахиваться и быстрым движением захлопывать двери, чтобы он не вылетел в прихожую. Попадая к нему, я невольно зажмуривала глаза, будто на меня обрушивалась целая стая ликующих, радостно щебечущих птиц.

Он никак не мог успокоиться, делая стремительные взлёты и кружения; звонко верещал, жалуясь на одиночество, и, продолжая ликование, совсем не ел в моём присутствии.

Разделяя радость и восторг Кеша, иногда мне удавалось изловчиться и поймать попугайчика, ощущая в руках трепет тёплого тела и учащённый стук маленького сердечка, погладить его по спинке, сказать ласковое слово. В таком возбуждении быстро пробежали двадцать минут, после чего, снова отмахиваясь от попугая газе-

той, так как он не давал уйти, разлохмаченная и взволнованная, я поспешно захлопывала застеклённую дверь.

Почти со слезами повторяя в прихожей прощальные слова, с шумом, гамом и стуком в ушах, я поворачивала ключ, оставляя Кешу снова одного. Попугайчика было очень жалко. Приходя на работу, я не могла сосредоточиться, и по ночам мне снились беспокойные сны. В воскресный день время позволяло побыть с Кешей подольше, но тогда минуты расставания были ещё тяжелее.

Каждый раз он не давал мне уйти... Такой и остался в памяти: стучащий клювом в стеклянный дверной проём и кричащий по-человечески: «Не уходи!»

Кто сказал, что у животных и птиц нет души? Мы с Кешей испытывали одинаковые чувства! Нет истинных ответов на самые главные вопросы.

Люди бессильны перед властвующим, всё диктующим временем и счастливы, что научились ловить момент жизни на фотоплётку, сохраняя мгновение, как прекрасную бабочку, в рамочке под стеклом.

Но чувства в рамочку не поместить, они продолжают жить во времени и могут волновать снова и снова. Что-то необъяснимое, чистое, светлое мне довелось испытать при посещении маленького попугая. Как будто открылось одно из величайших земных таинств, которое чувствуешь всей душой, но не можешь выразить словами.

Надя привезла из отпуска вкусный корм для своего питомца. Но, думаю, что главным подарком для Кеши было окончание его мучительного заточения.

Дальнейшая судьба Кеши сложилась счастливо. Хозяйка приобрела для него просторную клетку, а главное, подселила к нему симпатичную подружку.

Подружка была размером поменьше Кеши, украшенная бирюзовыми перышками, выглядела вполне красавицей.

Вскоре весёлое семейство стало многочисленным. Птенцы быстро подрастали, и Наде приходилось приобретать для них новые клетки, чтобы расселять влюблённые парочки. Подросших птенцов она отдавала в зоомагазин. Все знакомые несколько лет с интересом наблюда-

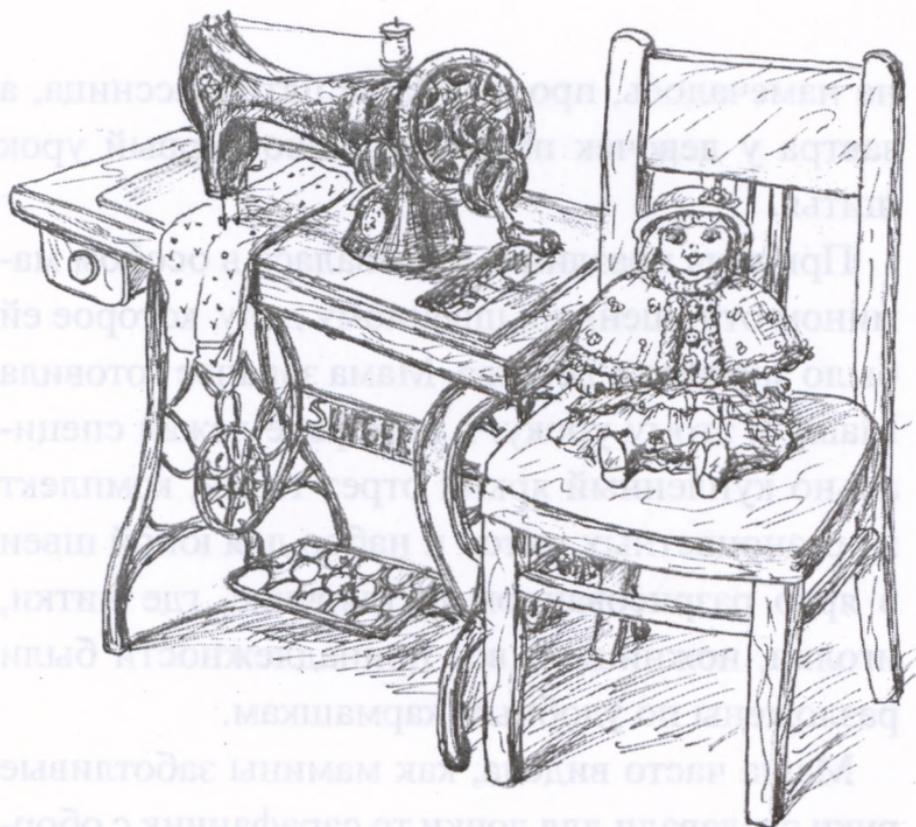
ли за растущим семейством попугаев. Птенцы рождались очень милыми, пушистыми, но в основном однотонной окраски: жёлтые, зелёные или бирюзовые.

Но ни один из птенцов не смог сравниться с богатым оперением папочки.

Кеша много лет оставался почётным главой семьи, наверное, осознавая свою роль. С годами он научился вести себя более спокойно, забыв свои неукротимые эмоции.

В клетке у Кеши всегда висело зеркальце. Он имел привычку смотреться в него, видимо, чтобы удостовериться, что годы не меняют его красоты. Его подружки и многочисленные птенцы умели красиво посвистывать, щебетать и ворковать, но по-настоящему говорящим среди них оказался только Кеша.

2015

*Рассказ удостоен Диплома Победителя за участие
во Всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины»
(с. Михайловское, Пушкинские горы, 2018)*

Бабушкины пятёрки

Пушистые волосы золотыми колечками рассыпались по подушке. Густые ресницы сомкнулись, и Маша незаметно попала в объятия сладкого сна в ожидании завтрашнего дня, как праздника. На самом деле, никакого праздника

не намечалось, просто Маша пятиклассница, а завтра у девочек по расписанию первый урок шитья.

Причина праздника скрывалась в особом мамином отношении к швейному делу, которое ей было знакомо с детства. Мама заранее готовила Машу к этому уроку: в портфеле лежал специально купленный яркий отрез ткани, комплект из разноцветных ниток и набор для юной швеи в ярко разрисованном футлярике, где нитки, иголки, ножницы и все принадлежности были разложены по удобным кармашкам.

Маша часто видела, как мамы заботливые руки создавали для дочки то сарафанчик с оборками, то весёлую юбочку.

А к новогодним праздникам Маша всегда ожидала новый маскарадный костюм. В младших классах это были нежные платья снежинок, обшитые блестящими гирляндами, в третьем классе у Маши был костюм белого зайчика с ушками и пушистым хвостиком, а в четвёртом — наряд Красной Шапочки, точно такой, как на картинке в детской книжке. В этих нарядах у Маши появлялась счастливая возможность войти в сказку и немного пожить в ней.

Мама работала экономистом. Но после работы ей нравилось садиться за швейную машинку и творить что-нибудь своими руками. Не обязательно быть профессиональной портнихой, но дома, считала мама, каждая женщина должна быть почти волшебницей.

Когда-то мама была такой же девочкой, как Маша, а шитью её учила Машина бабушка, Елена Егоровна. Она работала бухгалтером, но с годами швейное дело стало не только её любимым занятием, а настоящим призванием.

Бабушка научилась шить в раннем возрасте, ещё до войны, когда в доме появилась первая швейная машинка. Старшая из пятерых детей, она обшивала младших братьев и сестёр. Сначала училась шить из дешёвых отрезков, но со временем перешла на качественные ткани.

В советское время готовых изделий в продаже было недостаточно, и бабушка старательно обшивала свою семью. Две дочери всегда были одеты аккуратно и тоже рано приучились к шитью. Сначала они мастерили наряды для кукол из тканевых обрезков, которых в доме было предостаточно, в их руках было настоящее лоскутное царство.

С годами Елена Егоровна обрела славу известного мастера, родственники и соседи обращались к ней с просьбой сшить платье к празднику, к отпуску, к свадьбе или к школьному балу. Через её руки прошли не только ситцы и штапель, но и шерстяные ткани, и натуральные шелка. Позднее появились синтетические ткани, в моду вошли велюр и вельвет.

Портниха много лет выписывала разные журналы и собирала наборы выкроек различных фасонов. У неё было много учебных пособий по шитью, но самой любимой навсегда осталась толстая книга «Кройка и шитьё», которая была приобретена ещё в юные годы. Несмотря на полувековые капризы моды, бабушка находила в ней все основные выкройки для раскройки любых моделей одежды.

А сколько радости дарила мастерица счастливым обладательницам новых нарядов! С ними происходили удивительные превращения: они сразу хорошели, глаза радостно светились и сияли от счастья.

Со своих заказчиц бабушка никогда не брала денег — это было не принято в советские годы. За недельный труд ей могли вручить баночку домашнего варенья или литр молока, а главным

вознаграждением была общая радость и слова благодарности. Сама портниха чувствовала себя счастливой оттого, что она настоящая волшебница, умеющая превращать простых золушек в прекрасных принцесс.

В петербургской школе, где училась Маша, уроки труда для девочек преподавала молодая учительница Марина Витальевна. Она работала первый год после окончания Санкт-Петербургского университета дизайна и перед школьницами держалась с повышенной горделивостью, что выражалось во всём её облике.

Задавая школьницам задания по шитью, Марина Витальевна придирчиво проверяла их рукоделье и ставила в журнал строгие отметки. Девочки боялись её, так как в журнале пестрели одни тройки, как будто учительница по шитью забыла о существовании других оценок.

Мама заметила пасмурное настроение Маши, очень похожее на наступившую осеннюю погоду: дочь уже без прежней радости готовилась к урокам шитья.

Вдруг какая-то неведомая сила заставила маму собраться и пойти в школу для встречи с молодой учительницей. В современно оборудованном классе, где на столах стояли

электрические швейные машинки, Марина Витальевна была одна. Она выглядела именно такой, какой и представляла мама: модная и самоуверенная. Войдя в класс, мама поздоровалась и представилась.

— Я хотела бы узнать, как занимается моя дочь Маша, — доброжелательно сказала мама.

Марина Витальевна открыла журнал, посмотрела на троечки и ответила:

— У неё кривые швы.

— У начинающей портнихи всегда кривые швы, — с улыбкой сказала мама, — главное, чтобы у неё было желание заниматься шитьём, тогда со временем швы сами выпрямляются. Я тоже училась шитью с пятого класса и помню, как важно поощрение в работе. Если девочкам, начинающим шить, вы будете ставить тройки, у них пропадёт интерес к занятиям, и тогда швы никогда не станут ровными.

Марина Витальевна казалась совершенно непробиваемой, и тогда мама, не теряя доброй надежды, с очень большой убедительностью, взвешивая каждое слово, произнесла:

— А бабушка у нас вообще очень большой профессионал в швейном деле! — при этих

словах в голове у мамы промелькнул бабушкин многолетний труд за швейной машинкой.

Тут Марина Витальевна с любопытством взглянула на маму. Глаза молодой учительницы слегка округлились, как будто в эту минуту она телепатически приняла промелькнувшие мамини мысли и увидела всевозможное многообразие шерстяных и шелковых, плотных и тонких, различных по качеству и расцветке тканей, которые прошли через руки большой портнихи.

А может быть, учительнице представились и горы готовых изделий — юбок, блузок, платьев, халатов, деловых и летних костюмов, выпускных и свадебных платьев — всё, что было сшито за всю жизнь неустанной, неведомой бабушкой.

Возможно, что в это время Марине Витальевне послышался даже стук старинной ручной машинки, который прозвучал для неё каким-то грозным маршем, под который может войти и сама бабушка-профессионал. Ведь молодая учительница не знала, что бабушка живёт не в Петербурге, а в далёком северном городке.

Больше не продолжая разговора, мама только вежливо попрощалась и вышла из класса.

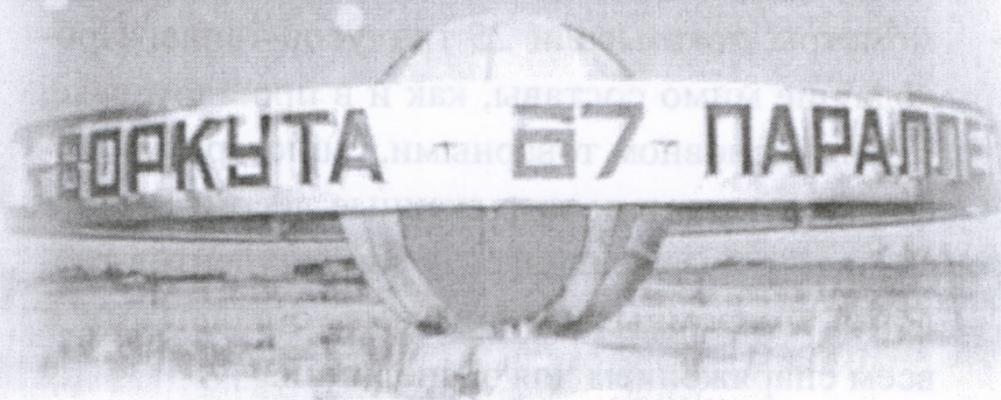
На следующем уроке шитья в школьном журнале всем начинающим портнихам ровной колонкой была поставлена оценка «пять».

Мамин приход в школу оказался волшебным! Он удивительным образом повлиял на молодую учительницу.

Уроки шитья продолжались. Пятиклассницы научились шить не только наволочки для подушек, но и фартучки, ночные сорочки, и юбочки солнце-клёш.

Маша засыпала с радостью ожидания завтрашнего дня, потому что на улицах города уже улыбалась весна, заглядывая во все окна игривыми лучами, и ещё потому, что завтра на уроке шитья Марина Витальевна, даже не глядя на швы, поставит всем девочкам очередные «бабушкины» пятёрки.

2018

На 67-й параллели

С заполярным городом Воркута заочно знакомы почти все россияне, читающие расписание поездов. Хочу рассказать о моём знакомстве с Воркутой, в которой я ни разу не бывала, но однажды вдруг возмутилась:

— Ну как же так? Полвека езжу по воркутинской дороге, а до Воркуты ни разу не доехала.

У меня появилось непреодолимое желание увидеть Воркуту своими глазами.

В июле 2013 года, находясь в Ухте, я взяла билет до Воркуты, которая была от меня на расстоянии 700 километров — примерно как Петербург от Москвы.

Стоял чудесный июльский день. В Ухте термометры показывали 25 градусов тепла. Проходящие мимо составы, как и в прошлом веке, были в основном товарными, с цистернами нефтепродуктов или загруженные лесом. Вместе со мной в поезд садилась группа студентов-геологов с огромными рюкзаками, с палатками и всем снаряжением для экспедиции.

Вскоре мой поезд тронулся, устремившись на север. Люди негромко переговариваясь, пили чай и спокойно готовились ко сну. Поезд убаюкивал, и я быстро уснула, несмотря на белую ночь. Ночью мы проехали небольшие города: Печору, Усинск, Инту. Пассажиры часто менялись, как бывает в пригородных поездах.

Я проснулась в пять часов утра, за два часа до прибытия в Воркуту, с интересом посмотрела в окно и впервые увидела тундру.

Справа и слева простирался зелёный бескрайний простор с болотами и узенькими речками, с кочками клюквы и морошки. Вид непривычный,

лесов нет, растут только небольшие кустарники. В правой стороне на самом горизонте синее по-
лоска хребтов старого Полярного Урала.

Моей попутчицей оказалась молодая привет-
ливая женщина, тоже Ольга, которая, как оказа-
лось, работает в одном из отделений Воркутин-
ской детской библиотеки. С собой у меня были
книжки для детей, и я с радостью передала в
библиотеку книгу стихов «По лунной дорожке».

За окном промелькнула река Уса и в семь
утра мы прибыли в Воркуту. Произошла резкая
смена погоды, нас встречало серое низкое небо,
и проводник объявил, что температура воздуха
в городе всего семь градусов, а днём прогреется
до десяти.

На первый взгляд Воркута напоминает
Ухту, — будто близнецы, похожи здания желез-
нодорожных вокзалов. Но в Воркуте чувствует-
ся суровость Заполярного края с вечной мерз-
лотой земных пластов.

Однако, воркутинцы любят свой город и при-
выкли к климату. В начале лета здесь бывает
резкое потепление погоды на две-три недели.
Моя попутчица рассказала, что в июне две не-
дели стоит жара свыше 35 в градусах в тени.

В такие дни здесь мучительно душно, — в период белых ночей солнце почти не садится, так что пусть лучше будет холоднее, ведь можно тепло одеться и чувствовать себя комфортно. После этого рассказа я поняла, что, скорее всего, с погодой мне даже повезло. Оставив в камере хранения чемодан с дорожной сумкой, я налегке отправилась знакомиться с Воркутой.

Основанный в 1943 году, город быстро рос, в 2013 году ему исполнилось 70 лет. Ведущим предприятием является комбинат «Воркутауголь». В Воркуте четыре ВУЗА. Главным является Горный университет — филиал Ленинградского университета имени Плеханова.

История города началась в 1930 году, когда в 77 километрах от устья Воркуты были найдены пять пластов угля. Год спустя была основана постоянная геологическая база, появилась первая штольня. В 1932 г. были заложены две эксплуатационные шахты.

История Воркуты имеет очень печальную славу. В 30-50 годы прошлого века в Воркуте располагался один из крупнейших лагерей ГУЛАГа, размещавший до 73 тысяч узников. Первая партия заключённых доставлена сюда в

1932 г. Предназначенный для них лагерный посёлок получил название Рудник. Вскоре была сдана в эксплуатацию первая очередь Воркутинской ТЭЦ. В 1936 году Воркута официально названа рабочим посёлком.

Маршрутный автобус провёз меня почти по всему центру города, до конца центральной улицы Ленина. Выходя из маршрутки, я увидела деревянный храм и сразу направилась к нему. Храм Иверской Иконы Божией Матери, построенный в 2007–2009 годах, стал центром православия в Воркуте.

Численность населения Воркуты уменьшается из года в год: в 1992 году проживало около 200 тысяч человек, в 2020 упало до 52 тысяч. Однако, молодёжный город не унывает и постепенно возвращается к стабильности, продолжается строительство жилья, растёт автомобильное движение, но дороги, как и во многих наших городах, требуют ремонта.

В советские годы добыча угля в Воркуте доходила до 200 млн. тонн в год, но сейчас она составляет около 30 млн. тонн в год. Развитие Печорского угольного бассейна позволит в перспективе довести добычу до 150–200 млн. тонн

в год. Уголь идет на Череповецкий металлургический комбинат, в Санкт-Петербург, Архангельск, на Нижнюю Обь, в районы Балтии.

Я приехала в Воркуту в воскресный день. Люди гуляли семьями по центральной улице Ленина. Обращаясь к прохожим с просьбой сфотографировать меня, убедилась, что воркутинцы очень доброжелательны.

Большинство населения Воркуты составляют русские. Ненецкие семьи занимаются оленеводством и ведут в тундре кочевую жизнь, а дети учатся в Воркуте и живут в интернатах.

В небольшом парке на детской площадке я познакомилась с мальчиком ненцем. На вид ему лет десять. Он красиво катался на роликах, я даже засмотрелась, подошла и спросила, как его зовут. Он ответил: «Аши».

К 14 часам воздух прогрелся до 10 градусов, на улице немного потеплело, но стал накрапывать мелкий дождь. Мне нужно было где-то переждать, и я спросила у Аши, как пройти в кинотеатр. Мой юный друг мне ответил:

— Пойдёте по главной улице. Идёте-идёте и увидите, там будет написано: «Каскад». Это

торговый центр. Вы туда зайдёте. Там пройдёте и увидите кассы. В кассе купите билет. С билетом пройдёте в зал. Сядете на своё место и будете смотреть кино.

Лучше объяснить было невозможно.

— Большое спасибо!», — ответила я и сфотографировалась с Аши.

Проходя по улице Ленина, увидела вывеску: «Центральная библиотека имени А.С. Пушкина». Но к сожалению, в воскресенье библиотека оказалась закрыта.

Около двух часов я провела в кинозале. Захватывающий сюжет американского фильма про индейцев дополнил мои впечатления о Воркуте. После грохочущих и оглушающих спецэффектов, после напряжённой погони и пальбы, я с радостью снова окунулась в спокойную Воркуту.

После кино на улице стало заметно прохладнее. В июле город выглядел почти осеннему, а моя прогулка по Воркуте подходила к концу. Как и в Ухте, здесь много небольших магазинчиков, а вот кафе, мне показалось, недостаточно.

Я купила фрукты на дорогу и в 20 часов была на железнодорожном вокзале. До моего поезда

в Петербург ещё оставалось два часа, я успела обследовать привокзальный район и нашла там много интересного.

Оказалось, что слева от вокзала, как экспонат, стоит блестящий, будто только что выкрашенный чёрной краской, паровоз с большой красной звездой на лобовой части. На табличке прочла надпись:

«На этом паровозе 28 июня 1944г. машинист ДЕПО Воркута П.Л.Дьяченко провёл первый из десяти эшелонов угля, отправляемых трудящимися Воркуты в подарок освобождённому Ленинграду».

Паровоз производит сильное впечатление и является заслуженной гордостью воркутинцев.

Ко мне подошёл работник небольшого кафе, разместившегося по соседству со знаменитым паровозом. Он спросил, откуда я, и узнав, что из Петербурга, любезно сделал мне несколько фотоснимков. Он сказал, что в Воркуте можно повидать очень много интересного и пригласил ещё раз посетить город.

Я узнала, что в окрестностях Воркуты имеется множество прекрасных мест: экзотичные вершины и склоны Полярного Урала, удиви-

тельные каньоны, долины и водопады, где растут цветы необычайной красоты.

Конечно, за один день невозможно подробно изучить город, и всё же у меня осталось незабываемое впечатление о Воркуте.

Знакомство с городом на 67-й параллели состоялось. Подтверждением этому является и рождение стихотворения «Маяк Воркута». Думаю, оно не появилось бы на свет, если бы я не ощутила особый дух заполярного города.

В Воркуту я ещё раз приезжала по приглашению библиотеки имени А.С.Пушкина, где прошли встречи со школьниками и состоялись презентации моих книг для детей: «Занимательная Азбука», «По лунной дорожке», «Сказки лета и зимы».

Дружба с Воркутой, с Центральной библиотекой имени Пушкина и её читателями продолжается.

2014

Деревушка

Нет на земле брошенных Богом уголков.

Каждый уголок земли обогрет солнцем и напоен благодатным дождём, чтобы цвести и радовать.

На северном краешке земли, на высоком берегу Печоры стоит деревушка Кедровка. Который век стоит, любитесь, да всё не наглядится на красоту родной реки и бескрайних зелёных просторов, убегающих вдаль к синему горизонту.

А родилась деревушка с первой проторённой тропинки да с лесной охотничьей избушки по соседству с селом Троицко-Печорск. 350 лет назад люди узнали о неисчерпаемых богатствах реки Печоры и стали переселяться сюда, строить дома и обживать берега. Вдоль реки построились новые посёлки и города.

А Кедровка прижилась на своём пригорке и не надо ей никаких других красот — ни дымящих труб, ни высотных этажей. Ей бы только слушать шум старинных кедров, песни маленьких пташек и тихий плеск печорских волн, разбуженных рыбацкой лодкой. Любит деревушка родную первозданную тишину.

Много в России деревушек, и каждая хороша по-своему. В Кедровке жила моя бабушка Дарья. Вырастила пятерых детей, хранила домашний очаг, просыпаясь на рассвете, растапливала большую русскую печь.

По субботам и праздникам, а особенно на Рождество и Пасху, она топила баньку, пекла пироги и ждала нас в гости. Обученная делу с семи лет, она была непревзойдённой стряпухой, вставала в ранний час и готовилась к нашему приходу.

По дому плавал вкусный запах мясного бульона из натуральной дичи. На столе пыхтел большой медный самовар и пышными горками ароматно дышали румяные пирожки, колобки, северные шаньги и нежнейшие рыбники, золотистой корочкой зазывала жаркая картофельная запеканка. Украшали стол солнечная морошка и брусничный морс.

Пропаренные берёзовыми вениками, покрасневшие после бани мы все садились за аппетитный стол.

Иногда я оставалась у бабушки ночевать. Забиралась на русскую печь, с любопытством изучая диковинные старинные предметы: подвешенные на гвоздике плетёные лапти и старинный звонкий колокольчик. В центральном углу на полочке в доме стояли иконы. Бабушка соблюдала православные каноны и в советские годы.

Однажды в Кедровку забрела цыганская семья и попросилась на зимовку. Их было человек восемь: старая цыганка и две молодые с детьми-подростками, и с ними шустрый цыганёнок с чёрным кудрявым чубом. Бабушка поселила их в пустующую половину дома. В ту зиму я посещала весёлую цыганскую семью, и эти яркие впечатления сохранились на всю жизнь.

Цыгане жили по своим правилам и привычкам и были очень музыкальны. Каждый раз они радостно встречали меня и зазывали в свой шумный круг зажигательными плясками и песнями под гитару.

Мне запомнился маленький цыганёнок с чёрными блестящими глазами. Он был прекрасным плясуном, подпрыгивал, как на пружинах, успевая ловко похлопывать себя по груди и коленям.

В цыганском кругу было невозможно устоять спокойно, и я тоже пускалась в пляс, копируя все движения цыганёнка. Наверное, мы были ровесниками лет четырёх.

«Ой, какая беленькая, какая же ты беленькая!» — восхищались цыганки моей белокурой головкой. А моя мама очень волновалась:

а вдруг цыгане весной сорвутся с места и похитят такую беленькую девочку.

За три столетия Кедровка повидала немало, слышала указы разных царей. К берегам Печоры из Петербурга через Вологду и Сыктывкар был проложен так называемый Екатерининский тракт, по которому к царскому столу отправлялись печорские «подарки»: ценные виды пушнины (черно-бурая лиса, горноста́й, соболь, песец); ценные сорта рыбы (сёмга, лосось, омуль, хариус); туши оленины, лосятины, медвежатины; отборные кедровые орехи; белые грибы и грузди; ценная ягода клюква, морошка и брусника.

Страдали печорские охотники не только от царских поборов. Бывало, угнетали купцы, приходящие из Чердыни через Уральские горы по проторённым горным тропам. Чердынцы диктовали свои законы, торгуя тканями, солью и спичками, требовали за бесценок красную рыбу и дорогие меха.

Вместе со всей страной Кедровка пережила трудные рубежи веков: и революционные бури, и гражданскую войну.

В годы Великой Отечественной войны юные добровольцы Троицко-Печорска, простившись со школой, уходили на фронт.

Призывники всех деревень отправлялись общей колонной. Матери, жёны и сёстры провожали родимых сыночков, мужей и братьев до Сойвинского моста, дальше конвой не пускал провожающих, но женщины в ноябрьские морозы кидались вброд, переходя ледяную речку, чтобы ещё раз со слезами обнять своих ненаглядных...

Половина призывников не вернулась домой. Большинство из них полегли под Москвой, кто-то на Ленинградском фронте, кто-то на финской границе, но кому-то повезло дойти до Берлина и вернуться с победой. Каждая деревушка помнит своих героев.

В судьбе Кедровки были и другие испытания: перестройка, развал страны, промышленности и экономики, голодные 90-е годы.

Враги рвали Россию на части. Но Бог хранит Россию. Выстояла деревня — выстояла и страна.

Деревушка скромная, не гордая, цены себе не знает: живёт в трудах да в деревенских хлопотах, сама себя кормит, радуется людям, тем и счастлива.

Кедровка, как старый раскидистый кедр, стоит на живописном пригорке уже не одно

столетие и крепко держится корнями за родной бережок.

Старые, мудрые кедры с необхватными могучими стволами украшают деревушку, кормят орехами и учат мудрости. На одном из таких кедров подвешены большие деревянные качели, и так же, как в моём далёком детстве, в тёплые белые ночи здесь звучат шутки парней и летящий в небо девичий смех.

В новом веке в деревне строятся новые дома с цветными крышами, верандами и балконами, в летние дни утопающими в зелени и цветах.

Недалеко от старого кедра в прошлом веке стояла скамеечка, она стоит и сейчас. И так же, как в старые, добрые времена, на бережок приходит седовласый дедушка, задумчиво садится на скамейку, смотрит на милые печорские просторы — и не может наглядеться, дышит целебным таёжным настоем — и не может надышаться.

О чём он думает? Наверное, вспоминает свою прошедшую жизнь и сожалеет, как быстро пролетели годы...

Вспоминает, как в мальчишеские годы мать будила его в ранний летний час вместе с солн-

цем, и он на лодке перевозил сестёр на другой берег Печоры. Там на холмистых просторах на много километров простираются сказочные сосновые боры, озарённые золотистыми лучами, ласкающими кроны деревьев и прогревающими ковровый настил белого мха. Какое удовольствие гулять по такому лесу, быстро набирая в корзину толстые шляпки боровиков и белых грибов! В сосновом бору растёт необыкновенно вкусная черника и крупная клюква, а низины покрыты весёлыми кочками с жёлтой морошкой. Летом, согретые на солнце склоны печорских берегов покрываются ароматной красной земляникой — вот, где настоящий земной рай!

Вечером к дедушке приходит девчушка лет пяти с распахнутыми голубыми глазами, в которых отразилась половина синего неба.

Кажется, что девочка только что сошла с небес, скрывая за спиной лёгкие крылышки.

Дедушка берёт внучку за руку, и они неспешно удаляются к дому по шелковой зелёной лужайке.

Ангелы

Каждый человек с детских лет стремится к прекрасному и каждый хочет осуществить свою мечту. Если же мечта не сбылась, значит и желание было не так велико. А если проявляешь всё своё упорство, слушаешь своё сердце, то обязательно достигнешь намеченной цели.

Наша жизнь полна сложностей, связана с множеством непредвиденных обстоятельств и не всё можно увидеть обычным взором.

Помните слова Антуана Экзюпери:

«Зорко только сердце. Самое главное — то, чего не увидишь глазами»...

«Искать надо сердцем», — подсказывает Маленький принц.

Иногда нам открываются самые важные подробности происшедшего события спустя много дней или лет.

Занятые каждодневной суетой, мы почти забываем о существовании ангелов. Но когда попадаем в трудную ситуацию, испытываем какую-то опасность, угрожающую нашей жизни или нашим близким, мы хватаемся за любую соломинку, повторяем святые молитвы и мысленно обращаемся к Нему... Ангел услышит и обязательно окажет помощь в самый нужный момент.

Кто же они, ангелы? Земные или неземные? Видимые или невидимые нашему глазу? Я хочу поделиться своим опытом.

В рассказе «Мамина жажда» в самый трудный момент меня и Мурку спасли невидимые силы, нам помогала вся природа.

И в метро, когда я заблудилась в тоннелях, вдруг явно ощутила чью-то невидимую поддержку.

Помню ещё один случай из детства. Нам с подружкой было по семь лет. Мы гуляли по окрестностям села, собирая крупные жёлтые бутоны купальниц, и так увлеклись, что не заметили, как забрели в лесную чащу. Увидев просвет, мы поспешили выйти к нему.

Это была просека для электрических столбов, на которых был протянут электрический провод. Мы решили по просеке дойти до посёлка. И вдруг неожиданно споткнулись за невидимый в траве провод, наверное, сорванный ветром и пока ещё не обнаруженный энергетиками. Мы обе разом рухнули на землю, как подкошенные.

Нас трясло и било током, не было сил подняться. Мы испытали настоящий ужас, слава Богу, что были обуты в резиновые сапоги, провод коснулся только наших сапог и произошло заземление. С трудом и со стоном еле-еле поднявшись, мы побрели домой, ещё не понимая, что было с нами. Думаю, что и в этом случае

нас осенили Ангелы, дали силы встать и спасли от смертельной опасности.

Вспоминаю ещё одну интересную историю. Однажды с друзьями-однокурсниками мы надумали совершить велосипедный кросс. В свои семнадцать-восемнадцать лет мы были весёлыми и любопытными, ещё не совсем расставшись с подростковой беспечностью. Велосипед я взяла в службе проката, проверила тормоза, руль и шины, и, убедившись, что у моего коня всё в порядке, отправилась в поход.

Нас было восемь человек. Мы решили прокатиться за двадцать километров в соседний городок, отдохнуть на природе и вернуться обратно.

Велодорожки существовали только на спортивных стадионах. Нам же предстояло ехать гуськом по обочине дороги, по которой туда-сюда сновали большие самосвалы и грузовые машины. Очевидно, мы попали в самый разгар рабочего дня.

Майский день выдался жаркий, дорога была гористая и в основном шла на подъём, нам

пришлось пешим ходом вести в поту своих коней в гору. Мы наглотались выхлопных газов, но это, как оказалось, было не самое страшное испытание.

Самое незабываемое произошло на обратном пути, когда с бешеной скоростью мы совершили несколько спусков по узкой обочине автотрассы. Справа, совсем рядом, навстречу нам неслась вереница грузовиков и больших, пылящих гружённым песком, самосвалов, а слева нам грозил пропастью крутой обрыв горы, в который было страшно даже заглянуть.

Помню, как жутко у меня дрожали руки, едва удерживая взбесившийся, сильно дребезжащий руль, как дрожали ноги, готовые сорваться с педалей. Мы испытали настоящий экстрим! Узкая обочина была посыпана галькой, поэтому велосипед жутко сотрясался на большой скорости при спуске. С таких горок мы скатывались по очереди, ожидая друг друга внизу.

Как мы скатились по этим спускам, не угодив под колёса тяжёлых машин и не свалившись кубарем с обрыва, — до сих пор не могу понять...

Удивляюсь, что никто из нас не упал, все остались живы и невредимы. Удивительно, что не отлетели колеса, не подвел руль и не отказали тормоза. Нет сомнений, что выдержать такое испытание нам помогли какие-то неведомые силы.

Ангелы бывают не только святые и небесные. Среди людей, животных и птиц на земле тоже живут ангелы.

Ангелами являются все матери, любящие своё дитя, и новорождённые младенцы — истинные ангелочки.

Ангелами становятся все влюблённые, чувствующие крылья за спиной, готовые обнять весь мир и дарить свою любовь.

Настоящим ангелом на земле для многих людей был мой замечательный отец. Вот уже двадцать лет, как его нет рядом, но память о нём по-прежнему светла. Ангелы не умирают!

Ангелами становятся все солдаты, героически погибшие в боях при защите Отечества ради счастья других людей.

Моими ангелами были и моя добрая, заботливая мама, и родные любящие люди, и добрые

школьные учителя и по-человечески душевная кошка Мурка.

Всех ангелов, помогающих в жизни, даже невозможно перечислить.

Каждому человеку необходимо нести любовь и благодарность в душе, благодарить Бога, Ангела-Хранителя и всех добрых людей за счастье — жить на земле.

2020

Содержание

<i>Мария Амфилохиева. Связующая нить</i>	3
Мурка.....	5
Мамина жажда.....	12
Счастливый день.....	20
Трижды воскресший.....	30
Настоящий учитель.....	59
Как сбываются мечты.....	73
Кеша.....	79
Бабушкины пятёрки.....	87
На 67-й параллели.....	95
Деревушка.....	104
Ангелы.....	112

Санкт-Петербургское отделение
Союза писателей России

Ольга Александровна Мальцева

Мечты сбываются

Рассказы и очерки

Редактор и корректор: Мария Амфилохиева

Дизайн автора

Вёрстка Татьяны Громовой

Рисунки Татьяны Лапшиной

Подписано в печать 25.08.2020

Формат 60x90/16. Объем 7, 5 п.л.

Гарнитура Times New Roman

Тираж 500 экз.

Ваши отзывы просим присылать по адресу:

9210978@mail.ru

ISBN 978-5-98673-204-6

ООО «АураИнфо»

195057 Гражданский пр. д. 90 к. 5, пом. 61

200p

2009

Ольга Мальцева — поэт, публицист, член Союза писателей России, победитель и лауреат Всероссийских Литературных конкурсов. Родилась на Крайнем Севере, окончила Ухтинский Технический университет. С 1994 г. живёт в Петербурге, автор 14 книг, в том числе книги стихов: «Прикосновение весны» (2010), «Посредине Земли» (2015), «Летающие мгновенья» (2019); стихи для детей: «По лунной дорожке», «Занимательная Азбука» (2016), Сказки лета и зимы» (2017); книги прозы: «Флаг Победы» (2015), «Мечты сбываются» (2020). Стихи, статьи и рассказы публикуются в журналах, альманахах и ежегодных изданиях Санкт-Петербурга, в газетах «Литературный Петербург», «Литературная газета», «Московская Застава» и других. Награждена почётным знаком «Верой и правдой» с символом Данко.

В книге «Мечты сбываются» тема доброты является связующей нитью всей книги. Веянье ангельских крыльев ощущается в каждом благожелательном поступке, в каждом тёплом слове. В этом и состоит главное содержание книги, автор которой искренне и доверительно делится с читателями и жизненным опытом, и верой: *пока живёт на земле добро — мир не погибнет.*

ISBN 978-5-98673-204-6

